

следние годы рассказывал про её заглазники. Скромная бабуля! А куда, думаешь, всё пойдёт, когда она это самое? Илюхе? Насте? Фиг! Попам всё пойдёт. А знаешь, ради чего? Чтоб её у церковной оградки похоронили под ёлочкой, а не на общем кладбище!

Отец продолжил жевать. Вдруг его челюсти остановились, на лице появилась ухмылка.

— Тьфу ты! Точно, шизик! Слышишь, он ещё им подпеваёт. Не слышишь?

Отец отключил звук в телевизоре, чтобы мама могла послушать. Действительно, мужскому церковному хору, записанному на кассету, подпевал хрипловатый голос, изо всех сил старающийся быть похожим на дьяконский бас.

— В попы, видать, готовится, — отец снова сделал звук. — Правильно, там ему и место.

— Хоть к чему-то готовится. Вон твой Илюша. В комнате дрыхнет. Зайти невозможно, вся комната перегаром пропахла — восемнадцать лет мальчику послезавтра. Знай из кошелька по сотне — дёрг-дёрг, дёрг-дёрг. Вот и всё занятие. Он у тебя, интересно, к чему готовится? Кроме армии, конечно. Или тюрьмы.

— Что значит — «у тебя готовится»? Это и твой сын. А во-вторых, нечего. Скажи спасибо, что носки ни у кого не нюхает.

— Да что ты всё про эти носки...

— А Настя что у нас, плохая девчонка? — перебил отец.

— Про Настю я ничего не говорю. Тьфу, тьфу, тьфу, — мама подыскала деревяшку.

— Ну и всё. Нормальные, здоровые дети. Илюха, я согласен, раздолбай, но уж лучше раздолбай, чем вот такое вот убожество, — и он кивнул вниз, откуда пробивалось монашеское пение.

— Жестокий ты всё-таки...

— А что ж ты за меня вышла тогда, если жестокий? А?

— Не знаю.

— «Не знаю»? Вот иди спускайся на третий этаж и жалея этого придурка, если «не знаю»!

Мама быстро ушла с кухни, через минуту вернулась.

— А ты сиди и смотри свой криминал, как они все друг друга убивают и режут на части! Вот это красота! Вот это не убожество!

— Что показывают, то и смотрю. Иди, иди, «не знает» она!

Мама ушла.

— «Не знаю».

Он доел, обвёл языком дёсны и, свистя дыркой в зубе, пошёл в комнату к сыну. В комнате было сумрачно, как будто день уже клонился к закату, хотя он только начинался. Просто Илья

никогда не расшторивал окно, потому что никогда и не смотрел в него.

На полу валялись скомканые джинсы с торчащим из одной штанины носком. Отец сдул пепел с компьютерной клавиатуры.

— Эй, орёл! Давай очухивайся, двенадцатый час!

— ...

— Просыпайся, говорю! — он схватил сына за плечо и перевёл в сидячее положение. Илья с трудом открыл глаза.

— Что, бухал опять всю ночь? С дружками-то, а? Хорошо побухал?

Илья вдруг сразу окончательно проснулся и молча начал одеваться. Плечи у него были широкие, выпуклые.

— Чего молчишь, а?

— Ничего, — ответил Илья себе под нос и продолжил выпутывать носки из штанов.

— Ты кто такой у нас растёшь-то, а?

— Кем растили, тем и расту, — он снова ответил себе под нос, вытряхивая носок.

Отец думал несколько секунд, в какие слова лучше уместится его негодование.

— Эй ты, щенок, — начал он сквозь зубы. — Ты что о себе возомнил? А? Ты хоть чего-нибудь в жизни добился — а, придурь? — чтобы так с отцом говорить?

В дверях уже стояла мама.

— Я тебя спрашиваю! — продолжал отец. — Тебе хоть что-нибудь в этой грёбаной жизни нужно?

— А тебе? — сказал Илья. Без всякой мысли, просто научился противоречить. Отец на мгновение растерялся.

— Что мне нужно, то я уже получил, а ты, сопляк, заткни язык в одно место, пока жрёшь то, что я зарабатываю, и пьёшь на то, что я зарабатываю. — Во время этой тирады отец тряс пальцем не то в сторону кухни, не то в ту сторону, где он зарабатывал. — Ишь ты, раскудался!

— Могу вообще-то и без твоей помощи обойтись, — сказал Илья.

— Оно и видно, ага! — с издёвкой сказал отец.

— Угу! — передразнил сын и тут же получил трескучий подзатыльник, а потом рука отца схватила лицо Ильи пауком и толкнула Илью на кровать.

Сын встал. Он был на полголовы выше отца и ощутимо шире в плечах. Вышел из комнаты и стал обуваться. Мама смиренно отошла в сторону, чтобы его пропустить. Родители молча глядели, как сын собирает. Он затягивал шнурки сильно и основательно, будто воображал в это время, что хладнокровно кого-то душит.

— И на качалку свою вонючую денег не получишь! — добавил отец ко всему, но Илья, наоборот, его уже не услышал, хлопнул дверью, забрав куртку в подъезд.

С минуту в квартире стояла тишина. Потом отец включил компьютер в комнате Ильи и уселся за него.

Мама постояла у него в дверях и ушла на кухню. Отец нашёл диск со своей игрой. Хотел вставить его, а дисковод выдвинул ему голый женский зад, запрокинутую голову блондинки, которую держала за волосы чёрная мужская рука, раскинутые ноги, между которыми как раз была дырка в середине диска.

— Говнюк, — сказал отец и швырнул диск сыну на кровать. Поставил свой.

В игре надо было управлять танком и бомбить вражеские штабы и склады. Отец любил эту игру. Ему, как обычно, было предложено выбрать местность, погоду, время года и дня, в которых будет происходить сражение, но он, как всегда, ткнул на что попало и по случайности оказался в лесу, покрытом гниющей осенней листвой. Моросил дождь, кое-где даже торчали грибы. Иногда пробегали лоси. Отцовский танк ездил под серым равнодушным небом и стрелял по врагам, а иногда по своим, а иногда и по мирным домам, людям и животным. Потом пришло время ужинать.

Маленькое происшествие

БЕРЕМЕННАЯ ДЕВУШКА села на скамейку. Парень — наверное, её муж — сбросил с себя куртку, затем стал снимать свитер, рубашку. Девушка принимала его одежду.

— Никит, может, не надо раздеваться? Снег ещё даже не весь растаял.

— Мне так удобнее. Я быстро.

У будущего отца были крепкие покатые плечи, спортивная узкая талия. Он подошёл к железным брусьям. Легко вскочил на них, подержался на сильных руках, соединил носки, подержал уголок, стал отжиматься навесу.

— Сорок пять, сорок шесть... — считала девушка, уютно держа в объятьях его одежду, словно будущего ребёнка.

В это время к соседней скамейке подошли ребята, пять-шесть человек. Уселись, как болельщики на стадионе, вскрыли пиво. Никита ловко, с переворотом, спрыгнул с брусьев и подошёл к турнику.

— Может, пойдём уже, Никит? Простудишься, — сказала девушка.

— Сейчас, я быстренько.

— Быстренько, — хрипло повторил один из ребят и глотнул пива.

— Ты чё повторяешь, Дэн? — сдавленно посмеялся другой парень. — Чё, повторюшка дядя хрюшка, что ли?

Все немного посмеялись.

— Заткнись, — спокойно ответил Дэн и сдвинул шапку на затылок.

Никита стал подтягиваться. Двадцать четыре, двадцать пять, двадцать шесть... Потом, без передышки, несколько подъёмов с переворотом. Все молчали.

— Как он уме-ет! — вдруг произнёс Дэн в половину голоса, чтобы парень мог его услышать, а мог и не услышать. Никита не услышал, или сделал вид. Дэн зажал банку между ног и лениво, редко поаплодировал ему.

Никита несколько раз сделал выход силой на обе руки.

— Вау! Я фигею! Ваще, короче, парень король! — Теперь Дэн стал комментировать каждое движение Никиты. — Опа! Опа! Давай, давай, ещё разок! О-па! Вот так! Молодца!

Никита спрыгнул с турника, подошёл к девушке и стал не торопясь одеваться, принимая из её рук одежду и не глядя на ребят.

— А раздеваться — это так модно теперь, да? — Дэн нахально выглянул из ряда своих товарищей. — Типа, смотрите все, какие у меня кубики?

Ребята попрыскали, и всё же кто-то сказал:

— Хорош, Дэн. Отстань.

— Да чё хорош, чё он из себя выставляет?

Никита протянул девушке руку, она встала со скамейки, они прошли мимо ребят и стали удаляться. Пока они удалялись, Дэн глядел им вслед и быстро соображал, что ещё можно сказать. Наконец, выкрикнул:

— А попка у девушки ничего! Только живот чего-то большой!

Ребята подавились со смеху. Никита развернулся и направился к скамейке, хотя девушка удерживала его. Дэн встал, отхлебнул пива и поставил банку на скамейку.

— Ну и чего? — сказал он приближающемуся парню.

Никита сразу ударил Дэна так, что с того слетела шапка. Хотел ударить ещё, но тут его сильно дёрнул за куртку кто-то из ребят, кто-то дал под колено, и он свалился на лёд. Тогда Дэн подскочил к Никите и пнул его в бок. Дэну только помогли, теперь он мог справиться сам: не давал Никите встать, бил ногой то по спине, то по голове, иногда помогал рукой; обращался спокойно, как морской охотник, загарпунивший добычу, и каждый удар подкреплял матом. Придер-

живая живот и крича, к ним понеслась девушка. За плечами у неё подпрыгивал капюшон тёплой дублёнки. «Хватит! Хватит!» — кричала она. А у Никиты всё не было возможности встать, он теперь сжался клубком и закрыл голову руками. Только мелькали на льду его светлые волосы. Девушка бросилась на Дэна, сжав свои маленькие кулаки. Дэн с улыбкой отступил, но тогда встал Никита, вытер губу и снова полетел на Дэна. Но Никиту вовремя успели схватить двое ребят, они снова опрокинули его на лёд. Теперь девушка преграждала Дэну дорогу, чтобы он не пошёл опять на Никиту. «Хватит! Прекратите!» — говорила она, пятясь и выставив ладони. Те двое держали парня, легко побивая его.

За металлическим ограждением школьной спортплощадки проходил старик с портфелем. Он задумчиво остановился, поднял вверх свою клюшку и пару раз открыл рот, но ничего не было слышно. В старика сзади врезалась женщина в богатой меховой шапке и нищенской бирюзово-красной куртке, посмотрела на картину и поучительно протянула к ребятам руку, тоже неслышно открывая рот. Конечно, они были слабы, чтобы помочь.

— Уводи его! — сказал Дэн девушке. — Быстро, я сказал! Каз-за!

Девушка послушалась, подняла Никиту. Никита шатался.

— И пусть больше не раздевается! Простудится! — сказал Дэн им вслед и глотнул выдохшиеся подонки пива.

Девушка и Никита уходили. Она робко попыталась погладить его по плечу, но он обиженно отдернул плечо и, взявшись рукой за шею, поводит головой в разные стороны. Видимо, сильно попало по шее. Дэн неторопливо отряхнул шапку и надел на себя. Он хотел ещё что-то крикнуть, но его остановили:

— Хорош, Дэн, пусть уходят.

Дэн сказал только:

— Пет-тух! — и выругался.

— Хуль выпендриваться? — объяснил он ребятам. — Умеешь чего-то — сиди дома и не высовывайся, — Дэн втянул носом и сплюнул, немного с кровью.

Вокруг скамейки было наплёвано, валялись окурки. Кое-где краснела Никитина кровь. Какое-то время ребята молча глядели на эти предметы и пятна, разбросанные по льду. Дэн допил, кинул банку на лёд и с улыбкой дурачка подошёл к турнику. Когда он тянулся к перекладине, его крупный живот оголился, и это всех посмешило. Наконец, Дэн повис на перекладине сарделькой и пару раз попробовал подтянуться, но у него не получилось.

— Я фигею, — сказал он с одышкой, — в армии всё то же выделял, как этот.

— Да! Хорош гнать-то...

Дэн ещё повисел и спрыгнул.

— Херня, — сказал он, отряхивая ладони и возвращаясь к ребятам. — Кто тебя на улице спросит, сколько ты там подтягиваешься? Насуют и всё. Чё ему это — помогло, что ли, что он на турнике вертится?

— Да он бы тебя заделал, Дэн, если б мы не помогли...

— Херня, — снова сказал Дэн, сел и открыл новую банку. — Вот Илюха сидит, тоже качок, а чего он делает?

Дэн неожиданно зажал локтём голову Ильи и опустил её на своё колено. Илья быстро, без труда и без улыбки высвободился.

— Чё не помогал-то качка мочить, а, Илюха? Испугался? Или жалко стало?

— Без меня, что ли, не справились?

Тут кто-то предложил уходить. Вдруг Никита позовёт друзей или вызовет ментов? Решили взять пузырь и пойти к деду на голубятню. Кто-то сказал:

— Да ну, опять к деду...

Но потом подумали: а куда ещё пойти? И решили к деду.

Француз

ДЕД БЫЛ Дэновским соседом. Он держал голубей. В своё время дед приделал к голубятне предбанник размером с маленькую кухню. Здесь он и проводил почти весь день, сидел да попивал, иногда заглядывал к голубям. Посетителей встречал без энтузиазма, но никого не гнал. Правда, и не наливал никому, объяснял, что надо приходиться со своим.

Поговаривали, что он был женат то ли четыре, то ли пять раз. Роста он был маленького и всегда загорелый. Может, поэтому, а может, ещё почему, соседи-старички называли его Француз. А ребята просто «дед».

Изредка, не чаще раза в год, к нему приезжал сын от второго брака, здоровый, крепкий мужик. В эти приезды он отдавал деду свою поношенную одежду. Одежда была дорогая, добротная, но дед утопал в ней, требовалось подворачивать. Ничего, дед подворачивал и ходил.

Лет восемь назад Француз сошёлся с какой-то бабушкой. Они с ней уже не расписывались, жили так. Для ребят он всегда называл её старухой.

Непонятно, что именно чувствовал Дэн, да и остальные ребята, к деду. Может, он их смешил,

может, наоборот, внушал уважение и даже зависть. По крайней мере, они часто приходили к нему, если нечего было делать.

Когда ребята вошли шумной толпой в предбанник, дед сидел за столиком, покрытым гнилой клеёнкой, и курил красную «Яву» из мягкой пачки. Из-под столика торчали огромные, как ласты, белые кроссовки и подвёрнутые несколько раз джинсы — подарок сына.

Ребята привычно уселись на ящиках и пенках.

— Ну что, дед, наливай, — сказал Дэн. Он знал дедов закон насчёт выпивки, и сказал так нарочно, в шутку.

— Держи карман ширше, — ответил дед.

— Ладно, дед, не ссы, твоего не выпьем. Своё принесли.

Все молча взяли у Дэна стаканчики, Дэн разлил. Выпили. Минуту было молчание. Двое от скуки начали сильно пихать друг друга локтями.

— Харррош! — негрозно гавкнул дед. — Голубят моих перепугаете, лысеньких, пятидневочек.

Через низенькую дверцу, согнувшись, дед проник в голубятню и вернулся оттуда с обувной коробкой, устеленной сухой травой. По-деревенски запахло зерном и птичьим помётом.

— Вот они, неоперённые.

Все заглянули в коробку.

— Мля, фильм ужасов, — сказал кто-то и насмешил этим остальных.

Дед проигнорировал шутку. Сжал в большой грубой ладони одного из трёх уродливых птенцов, не особенно с ним церемонясь, и приподнял над другими.

— Курёнок. А ведь полетит, стервец, никуда не денется.

Птенец открывал и закрывал клюв, издавая вместо писка слабый сип. Его выпуклые глаза были застелены синими прозрачными веками, как у умирающего старичка. Весь он был покрыт красно-фиолетовой кожей с шелухой и пупырышками. Только кое-где торчали чёрные, мокрые зачатки перьев.

— Дед, я сейчас сблевану. Зафиг ты вынес этих уродцев?

— Сам ты уродец.

Дед спокойно унёс коробку. Выпили ещё.

— Давай, дед, байки травы.

— Какие ещё тебе байки?

— Ну, это. Про баб.

— Дениска, ты что-то несерьёзный какой-то. Какие бабы? Успокойся.

— Нуу, дед, хорош ломаться. Рассказывай давай. Сколько у тебя их было и как ты их *это*.

Предстоящий рассказ все знали наперёд, но были не прочь послушать его снова.

— Дениска, ты что-то какой-то озабоченный, — подозрительно сказал дед и затаился, сверкнув маленькой татуировкой-перстнем на указательном пальце. — Не даёт, что ли, никто? Ну, порядочно их было. И что?

— А как ты их всех соблазнил-то, а, дед? Научи нас. Мы вот молодые, хотим узнать. Научи нас, а?

Дэн опять сдвинул шапку на затылок. Все с улыбками глядели то на Дэна, то на деда.

Дед взболтнул пластиковую бутылку, выпил из неё что-то мутное, положил в рот серый мякиш и аппетитно зажевал.

— Что тут учить? Если не дурак, сам справишься, а если дурак, то ничего тебе не поможет.

— Ты их небось обманывал всех, баб своих? — Дэн заводил деда, поглядывая на ребят. — Говорил, что женишься, что любишь там, фуёмоё, а сам шлёп-шлёп её и, короче, бросал.

Все посмеялись. Наверное, представили, как дед, такой, какой он сейчас — сморщенный, в этих белых ластах, — обманывает и бросает баб.

— Нет, не было такого, — дед причмокнул языком о небо и положил ногу на ногу. Из-под завёрнутых слоёв штанины высвободилась тощая голень.

— Как же ты их тогда это... если не обманывал?

Чтобы не спугнуть дедову готовность к рассказу, Дэн, сдерживая смех, спокойно разлил ещё раз.

— Дениска, — начал дед, — ты ещё молодой и не понимаешь одну простую вещь. Тут нужно разделять. Любовь — и это самое.

— Что «это самое»?

— Что, что? Тряску. Одной женщине нужно семью, мужа — на всю жизнь. Она правильная, она только о правильных вещах думает. А другой женщине — ей просто хочется. Привыкла она так, понимаешь? Она женщина, и ей надо. Чешется у неё там.

Все захохотали. Кто-то предложил сразу ещё налить.

— Не гони! — велел дед.

Все знали: сейчас он начнёт.

Дедовы рассказы

— **НЕТ, СНАЧАЛА-ТО** любая женщина о правильных вещах думает. Дети, муж, семья. Она думает: так, этого я отошью, того тоже отошью, буду принца ждать, я ж ведь вся такая-растакая.

Но времечко-то — идёт, а всё не замужем. Страшно. И любви-то ведь хочется. Вот и приходится самой на поиски выходить. А что поиски? Нашла ты хорошего мужика. Но его ведь надо приманить. А чем тебя приманить? Только этим. Не пирожком же с капустой? Один наобещает и бросит, а другой и обещать не будет, так возьмёт. Сначала, конечно, у них слёзы, то, сё, а потом привыкают. С одним не склеилось, со вторым, с третьим, с пятым — и уже привычка. И пошло-поехало. Сошлись на месяцок — и то хорошо, как будто женой побыла, а нет — ну и ладно. Хорошо потряслись? Нормально. Никто не в обиде? Никто.

Это я так, Дениска, — вводный курс тебе даю, так сказать.

Нет, само собой, им нравится, чтоб всё смотрелось по любви. Цветы, коньячок, в кино сходить, потом уже можно к ней, или она к тебе, и чтоб ты с ней там тоже как с женщиной обращался, ласково, нежно. Усни с ней в обнимочку, с утра потом ещё разок можно. А если ты с неё сразу трусы сдирать начнёшь, женщине такое не понравится. Хотя... всякие бывают. Я вот, в семьдесят седьмом году, в Хабаровске, решил приударить за одной. Ох, ничего она была! Пухленькая, кудрявая. Повариха была в казарменной столовке. Ну, план действий как обычно: жду её после ужина из столовой, держу букет. Тюльпанчики. Вроде, повариха — и откуда в ней это взялось? Чёрт его знает. Страсть вот эта звериная откуда? Хвать букет, через ногу его переломила, выбросила в помойку. За мной! — говорит. — Быстро, я кому сказала, скотина! Повелевает. Ну, я за ней. А сердце внутри пубук-пубук, пубук-пубук. Что-то она мне сейчас устроит. Приходим к ней в модуль. Она меня сразу хвать промежду штанин — рви, говорит, на мне одежду, сволочь, рви колготки! Я не понимаю, говорю: да ведь я же понежному хотел, не как животные. Рви, говорит, или вымётывайся отсюда! И хрясь мне по щеке. Когтями своими лицо даже расцарапала, тигрица. А я что? У меня кровь тоже выграла. Ну и... сделал всё, как она просила.

— Ну и как? Понравилось? — спросил Дэн.

— Мне-то да.

— А ей?

— Ей?.. так. Я, говорит, люблю, чтобы со мной в этом деле жестоко обращались, чтоб за волосы таскали, по мордасам стучали. С насильем, в общем. Вот тогда мне это, говорит, нравится, а ты всё-таки недостаточно жестокий, недостаточно унижил меня.

— Прикинь... — Дэн осмотрел всех ребят. Всем становилось хорошо от рассказа и от водки, все дружно закурили.

— Так что... — дед отвинтил крышечку своей бутылки и выпил. — Так что по-разному бывает, Дениска... Одним одно нужно, другим — то, этим — третье. С одной вон, в том же Хабаровске, приняли на шашлыках на Первомай. Граммов по четыреста. Пойдём к речке? Пойдём. Ну, установил её там и давай, — дед снова умиротворённо причмокнул языком о небо и закурил, сделав приятную паузу. — Ну, десять минут, двадцать еду на ней. Тридцать. Она, вроде, ах, ох, ах, ох. А потом грустно так, жалобно: я, говорит, устала. Слишком долго, мне уже достаточно. Пойдём обратно. А ничего была. Лошадка.

— Злой, наверно, ты был, дед, что дело недоделал?

— Да что злиться? Я ж не безрукий. Ххе. А вот другая была, вдовушка офицерская. Так та наоборот. Стоит молчком, качается, а ляжки такие здоровые — и всё не жир, а мышца. Уух! Я уж весь в мыле, и так и сяк, а она всё молчком. Стоит, как корова в поле...

— Дед, у тебя то тигрица, то лошадка, то корова. Прямо зверинец развёл. А старуха твоя кто? Сова?

— Ты на старуху не лезь. Моя старуха это человек. А ты лучше слушай ещё. В Находке, значит. Послали меня туда на три дня, а у меня там возьми и случись аппендицит. Меня в госпиталь, в срочном порядке. Вырезали, заштопали, лежу. Сколько там дней, не помню уже, вставать нельзя. За мной, значит, медсестра ходила, с серёжками, в белом халатике, волосы назад зализанные. Ну, не сказать, что писаная красавица, но так, ничего, с изюминкой женщина. Сейчас таких нету. Сейчас ходят, как вешалки, им что спать с мужиком, что не спать. Без разницы. А та была другая. Сразу видно, что ёбкая, голодная до этого дела. Волчица...

— О, опять!

— Чего «опять»?

— Ничего, ничего...

— Вот. А строит из себя недотрожку. Отвернёт, значит, у меня повязку, пальцем понажимает, там, под пупком. Спрашивает: вам так не больно? Я ей отвечаю, нежно-нежно: наоборот, красавица, мне так очень приятно. Приходите почаще. И смотрю на неё. — Юсупов, не наглейте! Но улыбнулась, строгенько так. Поняла намёк. Каждый день по два раза приходила разрез проверять. А там от этого разреза до *него*-то ведь совсем близко. Ух, как я там держался! Думаю, вот сейчас одеяло-то горочкой встанет, опозорюсь! И вот однажды и правда поднялось у меня там. А я уж видел, что она приходила так, не по делу, а покрасоваться передо мной и меня сильнее разжечь. То в одной, значит, то в другой блуз-

ке ко мне приходит, и халатик уже не застёгивает, чтоб я видел. И вот у меня одеяло и вздыбилось. Хорошо, в одиночной палате лежал, никто больше не видел. Она строго так смотрит: — Что это у вас такое, Юсупов? А я шучу: — Вам ли не знать! Вы же в институте учились на доктора. А сам думаю: что ж ты, думаю, из себя тютельку изображаешь, козочка? Я ж по глазам всё вижу. А она мне: — Хам вы всё-таки, Юсупов! Это, говорю, не я хам, а *он*. И киваю, значит, на своё достоинство. — Видите, говорю, он чего-то требует. — И чего это он от вас требует? — Да не от меня, говорю. — А от кого? — От вас, говорю, Надя. Она как *его* стиснула через одеяло! И скороговоркой: — Юсупов, тебе сегодня уже можно вставать с кровати. Слезешь по пожарной лестнице на улицу и приезжай ко мне, адрес такой-то. — А швы, спрашиваю, не разойдутся?..

— Дед, ну ты кино развёл, — перебил Дэн, нетерпеливо почесав затылок через шапку. — Давай это, ближе к делу. Открывай ещё одну... — тихо сказал он кому-то из ребят.

— Ты, Дениска, наглый, я погляжу. Тебя сюда никто не звал. Ещё и торопит.

— Лан, лан, дед. Не кипятись.

— Не кипятись...

— Ну, и что дальше-то?

— Ну, в общем, сделал я, как она велела. Пришёл я к ней. Смотрю: стол накрыла, бегают, колдует в фартучке. Коньячок хороший на столе, селедочка под шубой. Ай да хозяйка, говорю! Когда хоть всё успела наготовить? Сажусь и начинаю есть. А вкусно всё — не оторвёшься. А она сидит, съедает меня прямо глазами. Потом, говорит, всё съешь, а я больше ждать не могу. Я уже месяц без мужика. И потащила в спальню. Продолжил я, в общем, свой постельный режим! Ххе-хе... Кхее... кхе... — дед закашлялся. — Повалила она меня и...

С улицы можно было наблюдать за голубями. Они вылетали из ржавой клетки и садились на неё сверху, странно-белоснежные, странно-породистые в пейзаже этого загаженного перелука. К ним подсаживались и серые городские помоечники со своим перламутром, ненужным и не радующим, как бензиновая плёнка на лужах. Они осторожно выдёргивали чужой корм, а белоснежные ёрзали головами, не понимая себя в своей глупой красоте. В предбаннике слышался шорох многих тел, оттуда доносился смех и щёлканье пластиковых стаканов, оттуда шёл душный пар, будто там находилась баня...

— Э... — кто-то издал сдавленный звук, дослушав последнюю историю деда.

— Да, ребята. Еле на ногах держался. Кому рассказываю, все смеются...

— Да ну, дед, правда, не борзей «семнадцать»! Куда забрал! — сказал Дэн.

— Тут же всё от неё зависит. Другая думает, что ты сам всё обязан. А эта понимает: надо подождать пяток минут, по рюмочке выпить, покурить. Или помочь мужику, расшевелить его. Это ж всё знать надо, вот что важно. Так-то вот, Дениска. Какие бывают голодные. А ты говоришь, просто так кричат.

— Что, дед, небось жалеешь, что молодость-то ушла? — то ли шутливо, то ли злорадно спросил Дэн.

— Не-е, не хочу, — махнул дед рукой, собрал в глотке застой, скопившийся от долгого рассказа, и сплюнул его через окошко на улицу.

— А чего так?

— Чай пил, «майский», в пакетиках?

— Ну.

— Ты его, когда отожмёшь хорошенько, этот пакетик, то захочешь снова заваривать?

— Ну, нет, и что?

— Вот молодость и есть тот пакетик. Отжал, кружку выпил — а дальше уже не хочется. Взял да выбросил. Понятно выражаюсь?

— Эт тебя кто такому научил?

— Поживёшь — сам научишься.

Допили ещё бутылку. Ребята стали говорить о какой-то ерунде. Спрашивали, когда у Илюхи призыв и будет ли он устраивать гулянку на день рождения. Илья сообщил, что вообще-то отец может и не дать денег.

Дэн сильно окосел. Он долго сидел, угрюмо погруженный в себя. А потом вдруг невпопад спросил, с оглядкой, надеясь, что за общим шумом вопрос услышит только дед, однако услышали все.

— Дед. А ты методики знаешь какие-нибудь, ну, чтобы это, дольше выходило?

— Методики? — спокойно ответил дед. — Нет, не читал ничего такого, не знаю... Да просто нужно не думать о ней — и всё.

— О ком «о ней»?

— О женщине. Думай, что водишь по пустому месту, как будто её нет. Вот и выйдет удовольствие подольше. И вся методика.

Тут в окошко заглянула его старуха. У неё на одной брови был глубокий давно заживший рубец.

— Что-то ты засиделся, не думаешь?

— Иду, Нюра, иду.

Старуха пошла к подъезду. Она тоже была в подвёрнутых джинсах. Несла домой какие-то покупки.

— Ну, хорошего помаленьку, — дед проводил ребят.

Дома

ПОСЛЕ УЖИНА ОТЕЦ ещё поездил на танке, а потом лёг на диван в большой комнате и взял пульт.

Мама, как только он пришёл в большую комнату, ушла оттуда на кухню. Там тоже был телевизор, и при тихом говоре какой-то семейной телепрограммы она стала разгадывать японские сканворды. Ей нравилось это занятие. Вроде, ты всего лишь слепо наносишь изображение, придуманное кем-то другим, а всё равно: чтобы оно проявилось, надо и самому поломать голову. И когда рисунок готов, кажется, что ты создал его сам. Иногда мама даже показывала дочке какую-нибудь «бабочку» или «чайник».

— Насть, смотри, что у меня получилось!

А звучало это, как: «Смотри, что я нарисовала!»

Вот и сейчас она понесла очередную бабочку или лошадь в комнату к дочке.

— Насть, погляди.

— Ух ты, красиво, — спокойно отозвалась Настя.

Мама шутливо похвасталась:

— Видишь, какая я умная?

А прозвучало, как: «Видишь, какая я талантливая?»

И мама прошла обратно в кухню, нарочно не взглянув на отца, когда проходила мимо зала. Хоть она и поговорила с Настей весело, а всё-таки была расстроена. Это из-за того, что было утром. Отец хмуро глядел в лицо телевизору, на юмористическая передачу. Он не смеялся и не улыбался вместе с залом, но и не переключал, с равнодушным интересом впуская в себя юмор. Полчаса, час. Время шло, а мама всё ещё была обижена. Тогда он решил сходить на кухню, налить чаю и сделать себе бутерброд.

Мама даже не шелохнулась, когда он зашёл. Он включил электрический чайник, скрестил руки и стал ожидать, когда вскипит. Поглядел, какую она смотрит телепрограмму. Про садовые участки.

— Что, интересно их разгадывать? — спросил он через полминуты.

— Интересно, — ответила мама тоже через полминуты, не глядя на отца.

Он намазал бутерброд, навёл чаю, откусил бутерброд и пошёл в зал:

— Ну и хорошо, что интересно. Я рад, — про бурчал он через набитый рот.

Мама подняла голову и с усталой нелюбовью поглядела ему вслед. Ей вдруг захотелось о чём-нибудь поговорить с Настей.

Настя сидела с ногами на кровати и читала. Мама тихонько подошла к ней и погладила её распущенные волосы, заправила локоны на одной стороне за ухо, осторожно, чтоб не сдвинуть очки. Взялась за мочку уха с золотой серёжкой.

— Что, мам? — Настя подняла голову.

— Ничего, — сказала мама и села рядом с дочкой. — Ты что читаешь?

— «Войну и мир».

— Это вы уже такое проходите? — испугалась мама и с интересом уселась поглубже.

— Нет, это я для себя.

— Нравится?

— Да. Ну, про войну не так интересно. А остальное — да, очень. Особенно Наташа Ростова и Андрей Болконский.

— Ммм, — мама хотела показать, что поняла дочку, но не получилось.

— А ты что, не читала?

— Да... как-то не пришлось. У нас учитель был плохой, — она не переставала гладить Наташины волосы.

— А что вы читали? Что-нибудь помнишь из программы?

— Чернышевского помню, «Сон Веры Павловны», Серафимовича «Железный занавес».

— А это про что? Тоже про любовь?

— Знаешь, я не очень помню. По-моему, нет.

— Ммм, — кивнула Настя.

— Насть, а кем ты у нас будешь? Литературоведом?

— Нет.

— А кем?

— Вообще-то я хотела бы стать фотомоделлю.

— Фотомоделлю?

— Да. Только вы мне никак не хотите купить контактные линзы. Всего-то надо к окулисту сходить один раз. Знаешь, как все насмежаются, что я в очках! Они стоят-то копейки, эти линзы.

— Ну и дураки, что насмежаются. Ты у нас красавица. Очки тебе очень даже идут. А в этих стекляшках — ты же в них все глаза себе испортишь!

— Это не стекляшки, ты ничего не знаешь. Они мягкие. Типа как целлофан. Мам, но я же не хочу быть уродиной!

— Да кто тебе сказал, что ты уродина?

— И вообще, я хочу уехать во Францию.

— Как это? Когда?!

— Ну, потом, наверное, когда учиться закончу. Но как можно скорее. А что, французский я знаю, у нас учительница самая лучшая в городе считается.

— А мы? Ты что, нас оставишь?

— Нет. Вы будете к нам приезжать.

— К кому, «к нам»?

— Ну, в смысле, ко мне. Ну, у меня же, наверное, будет муж.

— А чем тебе здесь-то не нравится?

— А тебе, что ли, нравится? Папа почему всегда такой злой? Потому что здесь плохо. Всем плохо.

— Ну, это у него просто характер такой злобный.

— Ну, если ты его выбрала из всех, то я представляю, какой у других был характер.

— Ну... — мама хотела быстро сообразить с ответом, но Настя опередила.

— Да тут у всех, блин, характер такой. На кого ни посмотри — ходят... — Настя вытянула лицо, высунула язык и даже издала с таким лицом звук. — Бээ, бээ, бээ... Ходят. Бесят меня уже.

— И я, что ли, такая?

— Ты нет. Но и ты такая тоже станешь.

— Да мне уже поздно. Мне уж за сорок лет. И ничего, как видишь, живу.

— Да как ты живёшь? Это разве жизнь? Смотри, какая ты грустная, вся уставшая.

— А там что, по-другому?

— Да нет, мам, знаешь, так же! — Настя напругла губы до белизны и иронично закивала, отложив книгу. — Ага, так же, такое же убожество, как у нас!

Мама запуталась. Тогда Настя пожалела её и заговорила серьёзно:

— Конечно, не так, мам. Должно же где-то быть по-другому? У них даже язык красивей в тыщу раз, чем наш. У нас какой-то грубый, — Настя снова вытянула лицо, высунула язык и издала те же звуки. — Бээ, бээ, бээ, рээ, рээ, рээ.

Они даже посмеялись обе — так смешно у Насти это получалось.

— А у них? — мама смотрела на Настю с восхищением.

Настя открыла наугад «Войну и мир» и старательно прочитала довольно крупный фрагмент по-французски. Мама обняла дочку и поцеловала в голову.

— Что, скажешь, не красиво? — с победой спросила Настя.

— Красиво, — согласилась мама, поднялась и ушла на кухню, потому что почувствовала, что вот-вот заплачет.

Свиданье

— А ОКСАНА дома? — спросил Илья.

Из квартиры пахло чём-то вкусным, мелькнула богатая лакированная арка из тёмного де-

рева между коридором и кухней, какие-то рога. Оксанин папа, довольно молодой, бритый наголо мужчина с невидимыми белобрысыми бровями и такой же невидимой щетиной, даже не посмотрел на Илью. Взял да закрыл дверь. Неизвестно, пошёл за Оксаной или просто дал понять: проваливай. Наверное, он нарочно заговорил за дверь так громко, чтоб Илья услышал и понял его презрение.

— Оксан, к тебе. Ты дома или тебя нет?

В ответ Оксана что-то спросила.

— Я знаю, что ль, твоих кобелей? Без понятия. Здоровый какой-то, водкой палёной воюет.

Прошло, наверное, минут пять. Илья сел на ступеньки, расставил ноги, положил локти на колени и стал играть зажигалкой. Наконец, в прихожей что-то зашуршало, дверь приоткрылась. Илья поднял голову и улыбнулся.

— Чё лыбишься? — тихо спросила Оксана, телом оставаясь за дверью. Приподняла свои чёрные красивые брови. Она знала, что красивые.

— Выходи в подъезд.

— А зачем?

— А чё? Так, что ли, будем?

Она глупо покивала головой, имея в виду: «Да, будем так». Это была шутка. Илья перестал улыбаться и продолжил вертеть зажигалку. Оксана вышла в подъезд в коротком халатике и закрыла за собой дверь, медленно, будто что-то этим обещала. Илья подошёл к ней. Осторожно потянулся к талии.

— Ну-ка дыхни, — остановила она его.

— Ну, пил, и чего?

— А что целоваться лезешь?

Илья быстро отошёл.

— Миху целовала и ничего, — сказал он угрюмо.

— Так! — быстро вспыхнула Оксана. — Ещё одно слово про Миху, и я пошла домой.

— Ладно, ладно... — он понял, что сказал зря.

— Что «ладно»? — Оксана всё-таки обиделась и тоже захотела оскорбить Илью. — Миха, по крайней мере... — она сделала паузу. Думала, сказать или нет.

— Что?! — ждал Илья.

— Ничего. Сам знаешь.

— Каз-за ты паршивая!

Илья побежал вниз по ступенькам. Но на «козу» Оксана обиделась меньше.

— Чего как маленький? Иди сюда, дурачок.

Илья смотрел снизу со ступеней. Постоял, вернулся.

— Захрен ты вспоминаешь? Давай хоть сейчас. Всё получится. У меня всё есть.

— Ага, прям здесь? Что я тебе, б...ь какая-нибудь?

— У меня и тогда получилось, но... быстро, короче, слишком.

Он снова подошёл к ней. На этот раз она позволила обнять её за талию. Они стали целоваться. Он полез к ней под халат. Она высвободилась.

— Руки-то немытые.

— Блин. Ты меня, короче, с ума сведёшь. Мне в армию скоро, понимаешь?

— Аааа, понятно. Скоро в армию, а ты ещё, бедный, ни с кем ни разу, да? — Оксана закончила его мысль.

Илья молчал.

— Ты понимаешь, Илюша, — заговорила она, поправляя его воротник, — мне нужны нормальные отношения, а не секс. Нормальные — человеческие — отношения. Понимаешь?

— Чё, скажешь, я к тебе плохо отношусь? Ты... — он, наверное, опять хотел вспомнить про Миху, но сдержался. — Ты, короче, вообще, Оксан. Ты реально мне башню срываешь.

И зачём-то он добавил:

— У меня день рожденья через два дня.

— Что — типа с меня подарок? Должна перед тобой упасть? Ножки раздвинуть?

— Думай, что хочешь. Я просто сказал.

— Восемнадцать?

— Ага.

— И что, тебя сразу того? Фюить, налысо?

— Да...

Помолчали. Потом Илья поднял голову.

— Хочешь, вернусь — поженимся.

— Поженимся... А кем ты работать будешь, «поженимся»? У тебя ни образования, ничего.

— Ну и чё, куплю диплом.

— На что ты его купишь, чудо?

— Да куплю, я тебе говорю, — сказал он с ударением на слово «я». — Я умею деньги доставать.

— Может, тогда и поговорим, когда доставнешь?

Илья попробовал подкопаться шутливо. Снова обнял:

— А может, давай опять к бабке моей? Прям щас, а? — он стал мять Оксану, но она снова высвободилась.

— Да ну, опять стрематься. У тебя тогда и не вышло, потому что стремались, она зайдёт. Ещё про Иисуса с ней два часа болтать. Она ж у тебя того — на религии повернутая, — Оксана повертела ладонью около уха. — Мне этот Иисус под конец уже во где был.

— А где ещё тогда можно?

У Оксаны вдруг стал измученный вид, будто у неё сильно разболелась голова. Она сонно потянулась и зевнула.

— Ой, слушай, Илья, давай потом это всё обсудим...

— Когда потом? Через два года? Когда ты уже... — он не закончил.

— Хочешь сказать, б...ю стану, да?

Кажется, он не это хотел сказать. Но он посмотрел ей в глаза и стал быстро сбегать вниз, шумно вздрагивая своими широкими плечами. Чиркнул зажигалкой по дороге, прикурил. Оксана несколько секунд продолжала глядеть куда-то с застывшим презрением, но потом её взгляд потерял всякое выражение, и она зашуршала пушистыми тапками к своей квартире.

Робкое признание

ИЛЬЯ ВЕРНУЛСЯ домой около двенадцати. Отец храпел. Мама выглянула, сказала неизвестно для кого: «пришёл» и снова ушла в зал, к отцу, спать. Ночь не помирила их друг с другом. Скорее, немного примирила с судьбой, указав неизменное общее место для сна.

Илья зашёл к себе. Сел на кровать, разделся до трусов. Увидел рядом с собой диск, подумал пять секунд и сломал диск об колено, а осколки бросил под кровать. Мутно поблёскивали под столом две пудовые гири. Илья лёг, стал рассматривать своё тело. Настя слабо постучала в дверь и вошла. Илья накрылся одеялом:

— Чего тебе?

Она была в домашних коротких шортиках и без очков. Лоб у неё был открыт, потому что волосы были необычно зачёсаны назад. Длинные мягкие локоны ложились на плечи. Её глаза и её золотые серёжки сверкали одинаковыми огоньками.

— Ты чего такая? — спросил Илья.

— Какая?

— Сумасшедшая.

— А что, видно? — торжественно прошептала она и села на кровать у Ильи в ногах.

— Видно. Чего это ты — зашла вдруг? Я чё-т такой фигни не помню, чтоб ты заходила.

Настя взмахнула волосами.

— Скажи мне, Илья, только честно. Я красивая?

— Чего?..

Она встала, прошлась по комнате, покружилась в своих шортиках.

— Красивая? А?

— Ты, по-моему, пьяная, а не красивая.

— Нет, ну правда?..

— Не знаю. Ну, для своих лет ничего, нормально. Только ты чего-то не по тому адресу пришла.

Илья полулежал на приподнятой подушке. Он заложил руку за голову, чем показал Насте сильный бицепс и волосы под мышкой. Улыбнулся:

— Ты чего всё крутишься? Давай ещё разденься. Смотри, не впечатайся никуда без очков.

Но Настя не обиделась. Она снова уселась у него в ногах.

— Я хочу сказать тебе одну вещь.

— Ну?

Настины глаза вдруг засверкали ярче серёжек, она сразу заплакала и упала Илье на колени.

— Я люблю его! Люблю! Илья, я без него не могу жить! Я не могу без него...

— Без кого?

— Без Антона...

— Чё за Антон?

Она быстро утёрла слёзы и стала рассказывать про Антона. Антон самый красивый мальчик в школе, красивее всех. Когда он учился в другой школе, то даже одну учительницу молодую из-за него уволили, что она в него влюбилась. Это ей девчонка сказала из десятого класса. По нему все сохнут. А он из всех выбрал её, Настю. Она уже давно на него смотрела, но стеснялась, что она в очках. Думала, что это невозможно. Но он как-то попросил её телефон! А сегодня она читала дома, как раз где Анатолий увозит Наташу, и он сам позвонил ей, и она пришла к нему. И дома никого не было, и они целовались. Он так целуется! И у них почти уже было *это*...

— Чума, ты в каком классе?! — Илья оторвал спину от подушки и внимательно рассмотрел сестру.

— Девятый заканчиваю.

— А он?

Настя замялась.

— Седьмой...

— Седьмой?! — Илья чуть не разбудил родителей. — Ты, дура, у тебя башка есть?

— Есть...

— Да ни хрена у тебя нет. Что у вас было? Говори!

Настя снова заслезилась.

— Ну что, прям всё рассказывать?

— Рассказывай, раз пришла!

— В общем... в общем, я уже была голая... совсем. Он даже колготки мне разорвал...

— Мля, гадёныш вонючий. И что? Что в конце-то получилось?

— Родители позвонили в домофон...

— Ну ты и дура, мелкая. — Илья медленно мотал головой, не веря своим ушам. Просто не мог прийти в себя. Вот это, что сидит рядом с ним, было сегодня голое — перед семиклашкой. И действительно ведь она красивая.

Настя прижалась к брату, заплакала.

— Ты не понимаешь. Я его так люблю... так люблю-у! — Вдруг она с негодованием стукнула по одеялу. — Но его в любой момент могут убить, и тогда я тоже умру! Я сожру все таблетки в доме и умру, вот увидишь!

Илья отстранил сестру, взял за щёки и поглядел на неё с недоверием. У него даже капли выступили на лбу.

— Ты чего?.. Аллё! Ты с какого дуба рухнула? Сходи воды попей, сходи проспись, дура!

— Зачем?

— Ты книжек, что ли, начиталась? Он вообще где-то реально есть, этот мелкий подонок? Или ты его придумала?

— Есть, — плаксиво выговорила Настя. — Я и сама иногда не верю. Знаешь, как я счастлива! Я дома никогда не была так счастлива, как у него!

Она опять хотела упасть ему на грудь, но он не выпустил её лица.

— погоди. А кто его убьёт-то в седьмом классе?

Тут Настя затараторила:

— Понимаешь, он связался с плохой компанией. Его уже два раза избивали до полусмерти. Он поставил одного человека на деньги, а этот человек собрал людей, и они его избили. Антон сейчас тоже собрал людей, чтобы получить свои деньги. Там десять тысяч, и мы уедем.

— Десять тысяч чего?

— Долларов.

— Иди проспись, — Илья устало, с небольшим облегчением рухнул на подушку. Спросил с ухмылкой:

— И куда вы собрались на эти десять тыщ?

— Во Францию. Это я предложила, и он согласился. У нас у обоих загранпаспорта есть, а у него есть знакомый шофёр, он нас прямо до Франции доведёт. В самолёт-то ведь нас, наверное, не впустят, мы ж ещё маленькие.

— Это просто капец, — сказал Илья. — Слушай, скажи мне ещё раз... короче, поклянись вообще, что он реально есть.

— Да он живёт вон тут недалеко, в тридцать пятом доме. Клянусь.

— Во урод...

Илья не знал, с чего начать. Он спустил ноги на пол и протёр лицо ладонью. У него был красивый небольшой нос, совсем немного, как раз сколько надо, веснушек. В своей неожиданной роли он даже смотрелся взрослее. Он стал говорить с паузами, стараясь приблизить речь к предельно ясной схеме:

— В общем, слушай. Этот твой, б...ь, Антон — он запудривает тебе мозги. Ты, как последняя чмошница, ведёшься. Если будешь дальше вестись, этот ублюдок тебя отымеет и выкинет. И ты никому ничего не докажешь.

Настя лишь улыбалась в ответ на его грязные слова, а в глазах её светилась всепрощающая непобедимая радость и любовь к брату. Брат продолжал:

— Так и быть, завтра я потрачу своё время, найду его и объясню, что не надо к тебе больше подходить. Бить, может, пока сильно не буду. Но чтоб такого больше не было! Ты поняла меня?

— Илья, не надо, — снова запричитала Настя, глядя голову Ильи. — Я ведь за тебя тоже боюсь. Ты не знаешь его. От него можно всё ожидать. Он и на тебя может разозлиться!

Илья чуть не раскрошил во рту собственные зубы. Желваки запрыгали, как у лошади. Спокойно, с гневом, похожим на равномерный огонь газовой плиты, он спросил:

— На меня? Разозлиться? Этот мелкий ублюдок?

— Ты его не знаешь.

— Хорошо, — Илья лёг. — Вали спать. Вот как раз завтра я его узнаю. Только ты его потом ни хера не узнаешь. В морге узнаешь.

Вдруг Настя упала на колени, задрала на Илье одеяло и стала обнимать и целовать его ноги.

— Пожа-а-лу-ста! Не на-а-до! Не тро-огай нас, я те-бя о-о-чень про-шу!..

Илья брезгливо наблюдал за этой мольбой с минуту. Потом подобрал ноги и сказал:

— Тогда вали отсюда, и больше ко мне с этим чмом малолетним не подходи. А то родителям всё скажу. Вали отсюда, шал-лава!

Настя сутуло, униженно, вздрагивая плечами, вышла из комнаты. Она вышла, как женщина, которая ценой унижения спасла от гибели своего ребёнка. Волосы её растрепались, шорты сползли и стали отвисать сзади, как подгузник.

Илья погасил над кроватью лампу, и ещё час не мог заснуть. Он снова видел, как Настя взмахивала волосами, красовалась перед ним. А потом представлял её голую, перед семиклассником Антоном. Потом поверх всего возникло смеющееся чернобровое лицо Оксаны. Оно

дразнило Илью. Рядом с ней появился этот Антон, ростом Оксане по плечо (Илья уже вообразил его по-своему), и Оксана выбрала Антона, а не Илью. Она поцеловала Антона в губы и, бросив на Илью насмешливый взгляд, увела мальчика к себе в квартиру. Илья остался один в тоскливом, ненавистном подъезде.

Влюблённая Настя

ПОДХОДЯ к школьному крыльцу, Настя разглядывала в городской природе осторожную, почти ещё не наступившую весну. Кое-где распался снег, и можно было ступать по чистому чёрному асфальту, на низких вербах под школьными окнами уже празднично мелькали серые пушистые точки. Настя с наслаждением вдохнула воздух. Воздух казался сладким.

В школьном фойе, как всегда, поздоровалась с тётей Тоней — толстой женщиной в зелёной спецовке.

— Иди, детка, не переобувайся. Я знаю, ты никогда не оставляешь грязных следов, — улыбнулась тётя Тоня, и Насте захотелось поцеловать эту женщину. Наверное, она несчастная. По сравнению с Настей, уж точно несчастная.

Настя знала, что ему ко второму уроку, поэтому после своего первого сразу побежала к раздевалке. Нет, седьмой «Б» уже поднялся на второй этаж. Она понеслась вверх, к кабинету семиклашек. За пять шагов до двери хотела остановиться и отдышаться, чтоб скрыть своё нетерпение, но тут из класса вышел он сам и увидел её во всей её влюблённой суете. Она была без очков и поневоле щурилась, чтоб разглядеть, нравится ли ему, как она сегодня выглядит. С утра она взбила на голове глупую чёлку, как у куклы «барби», переусердствовала с тушью и тенями. А уж пудра точно была лишней. Математичка даже сделала замечание.

Он медленно подошёл к ней, оглянулся зачём-то, отвёл немного в сторону. Он был пониже её ростом, большие пальцы держал в карманах узких джинсов. Рукава свитера закатаны по локоть, а на них навёрнуты рукава рубашки.

— Ну что? — спросил он, и ей стало страшно от счастья слышать его голос. — Не передумала?

Он притянул её за талию и дал себя поцеловать. Она захихикала, зашептала:

— Ты что? Конечно, нет.

— Да? Нну хорошо, — сказал он недоверчиво, взвешенно, покачался на пятках и стал тыкать

её пальцем в живот, как игрушку, говоря: «тш... тш... тш...», и иногда снова оглядываясь.

Она была в восторге. Между делом он бросил:

— Дней через пять всё должно решиться.

Будто говорил о самых обычных вещах. Этот тон означал, что для него нет ничего невозможного.

Прозвенел звонок. Она хотела скорее убежать куда-нибудь в одинокое место и проплакаться. Ей уже хотелось вернуть вчерашний день, чтобы там принадлежать ему до конца. Она знала, что он умеет быть не только твёрдым и жестоким, но и по-своему нежным. Но она обожала одинаково и того и другого.

— Тебе, наверное, надо на урок? — робко спросила она.

Кажется, его обидел этот вопрос.

— Хочешь — иди, — произнёс он медленно и загадочно.

— Нет, не хочу, конечно.

— А чччэ тогда?

Он стал толкать её плечом, играя этими словами: «а чччэ тогда». Он произносил их то как грубый мужик, то гнусавым голосом, как какая-нибудь бабка на лавочке. И всё наступал, толкался плечом. Это и пугало, и смешило, и восхищало Настю. Она уже и забыла, к чему он говорил эти слова. Только выставила вперёд руки, как бы защищаясь. Между тем коридор был уже пуст. Мимо прошла учительница, неожиданно, как цапля лягушонка, схватила Антона за руку и повела на урок:

— Степанкóв, марш в класс.

Антон прошёл за ней несколько шагов, а потом дерзко выдернул у неё свою руку, но учительница почему-то не обратила внимания на его дерзость и зашла в кабинет. Лениво пошатнувшись у двери кабинета, он показал Насте ладонь, сказал:

— Держись, ребёнок, — выстрелил себе пальцами в висок и канул, провалился в свой кабинет. Оттуда раздался хохот и упрёк учительницы. Настя закрыла глаза. Ей казалось, что она сейчас упадёт в обморок.

На следующей перемене ей до смерти хотелось снова побежать к нему. С трудом сдержалась. Во-первых, сэкономила своё счастье. Оно такое огромное, что вот-вот может лопнуть, взорваться, исчезнуть. Во-вторых, и без того было сладко понимать, что он там, этажом ниже. А в-третьих, нужно было и показать своё достоинство, не быть слишком навязчивой. Пусть и он соскучится по ней. Хотя этот человек, наверное, ни по кому не скучает. Он готов дарить себя всем, а ему не нужно ничьих даров. Как же труд-

но удержать такого человека! И как такое было возможно, что он — сам! — выбрал её. Значит, и в ней всё-таки есть что-то необычное, завораживающее, какой-то шарм? Настя затаённо улыбалась. Значит, есть.

После последнего урока, как раз французского, самого любимого, Настя колебалась: скорее бежать к раздевалке или задержаться в кабинете? Ей нравилось, что она может хранить свою тайну, находясь наедине с любимой учительницей. Настя медленнее остальных собирала тетради, и так и вышло, что они с учительницей остались в кабинете наедине.

— Настя.

— Да, Изольда Матвеевна.

Француженке было слегка за пятьдесят. Красота, пожалуй, уже покинула её, но изящество, грациозность — ни в коем случае.

— Вы что-то сегодня слишком ярки, Настя. Поверьте мне как вашему педагогу: ваш французский лучше, чем ваш макияж.

— Да?

— Да, моё мнение именно таково. Если вы любите Францию, то учтите, что скромный макияж или даже его полное отсутствие больше во французском духе. И зачем это вы сняли очки?

Настя растерянно повернула голову к окну. Вот-вот она всё расскажет Изольде Матвеевне. Нет, волна этого желания отхлынула от сердца. Настя с улыбкой опустила голову.

— Уж не влюблённостью ли это всё вызвано? А? Кстати, Настя, — сказала учительница, не дожидаясь ответа, — у меня для вас кое-что есть.

Изольда Матвеевна открыла маленькую сумочку, из сумочки достала блокнот, из блокнота конверт, из конверта билет.

— Вот. Это пригласительный билет на вечер французской музыки. Посмотрите: по-моему, он состоится через неделю, в нашем педагогическом училище. Будут играть дети из городской музыкальной школы. Хм. У вас будет шанс увидеть вашу учительницу в непривычной роли конферансье.

— Merci.

— Je vous en pris. И выйдите, наконец, из этой тяжёлой задумчивости. Вам пятнадцатый год. Наслаждайтесь жизнью, — и на выходе из кабинета добавила. — И французской музыкой. Au revoir.

«Может быть, я уже не успею на этот концерт, — с лёгкой грустью и жалостью к Изольде Матвеевне думала Настя, глядя на билет из обычной бумаги. — Ну, ничего. Во Франции таких вечеров будет хоть отбавляй. Я ей напишу оттуда письмо, обязательно. И конечно, на французском!»

Она снова окунулась в своё счастье. Она закрыла глаза, её веки надулись и не смогли удерживать слёз. Насте было жалко всех людей. Она мысленно поднималась над землёй и летела не вдоль неё, а ввысь, не к земной, а к какой-то небесной Франции. Люди же, оставшиеся внизу, — там были и мама, и папа, и Илья, и Изольда Матвеевна, — к сожалению, не могли взлететь, они медленно превращались в лилипутов, задрывших головы и беспомощно протянувших к ней руки. Им осталось только радоваться за неё. Рядом с ней появился Антон, такой же способный к полёту, они взялись за руки и кружились так среди звёзд, словно герои диснеевского мультлика.

Антон не дождался Настю. Наверное, он подумал, что она уже ушла домой.

Загадочный мальчик

ПОСЛЕ ПЯТОГО УРОКА Антон решил забежать в один из пятых классов, чтобы в очередной раз поглядеть на Арсена-Покажи. Под таким именем этого мальчика знала вся школа. Дело в том, что если кто-то, неважно кто, произносил слово «покажи», Арсен тут же стаскивал с себя штаны, задирает верхнюю одежду, как девочка перед горшком, и начинал смешно вилять задом, будто крутит хула-хуп. Никакие избиения, плевки и другие издевательства не могли отбить у Арсена страсть к этому занятию. Стоило сказать «покажи» — и он уже не мог ничего с собой поделывать, будто его влёт непобедимый инстинкт.

Антон заглянул в кабинет, увидел, что учителя нет, нашёл глазами Арсена. Его кто-то дубасил учебником, а он улыбался, лениво закрываясь рукой и щурясь. Без лишних предисловий Антон сразу выкрикнул слово-пароль.

— Покажи!

Арсен стал слепо оглядываться, поймал взгляд Антона и, не отводя от него глаз и отстраняя всех, кто стоит на пути, направился к нему. С серьёзным, не улыбающимся лицом мальчик спустил штаны и стал показывать. В классе даже не особенно смеялись: тут уже привыкли к его выходке, привыкли и к посетителям из других классов. Арсен-Покажи был даже своего рода гордостью класса, местной достопримечательностью. Антон глядел на него и, как обычно, набирался гнева.

— Во п-пидор! Пидрила вонючий... — говорил он и пожирал смуглого Арсена глазами.

Потом Антон взорвался и дал мальчику крепкого пинка под зад. Арсена не смутила

боль. Он продолжал, он не мог остановиться. Тогда Антон со злобным любопытством толкнул Арсена, и тот упал, ударившись головой об учительский стол. Теперь он лежал и с застывшим отчаянием глядел на Антона.

Тут у Антона запищал сотовый. Звонил отец, сказал, пусть выходит. Антон в шутку поднял руку вверх по-фашистски. Крикнул:

— Гаси пидоров! Гаси дагов и пидоров! — и вышел из класса.

По дороге встретил двух девчонок из одиннадцатого «А». Поцеловал обеих в губы, придерживая за талию.

Около школы стояла красная иномарка. Антон оглянулся. В окне одного из коридоров стоял Арсен и смотрел на него тем же странным, не улыбающимся взглядом. Антон показал ему средний палец, втянул носом и плюнул в направлении Арсена, мечтая доплюнуть до второго этажа, но чуть не попал в учительницу старших классов, которая выходила из школы. Учительница остановилась, посмотрела на Антона и открыла рот что-то сказать. Над машиной возвысилась большая рыжая голова отца и его широкие плечи в подполковничьих милицейских погонах.

— Хорош харкаться, Антон. Время.

Антон спокойно посмотрел в глаза учительнице и залез в машину.

— Па, — обратился он к отцу дорогой. — Дай тыщу рублей.

— Щас.

— Ну дай.

— За каким тебе?

— Какая разница? Надо. На цветы там одной бабе.

— Я тебе ничего не дам, — отец смотрел на дорогу.

Машина ехала гладко, бесшумно. Приторно воняла картонная ёлочка, болталось деревянное распятие.

Папа добавил:

— Научись деньги зарабатывать — будет у тебя и тыща, и две тыщи. И баба у тебя будет только тогда.

Трезвый он очень редко давал деньги.

Антон загнусавил:

— Блин, пап, ну ты что как козёл, у тебя денег до хре... — и тут же получил кистью отцовской руки по губам.

Антон в одиночестве

ОТЕЦ И СЫН сели обедать. Бабушка молча потопталась на кухне и ушла в маленькую комнату смотреть сериал. Сегодня её вызвали с дру-

гого конца города, чтобы она стоговила обед и ужин вместо мамы. Мама ещё с утра ушла на целый день к подруге. Антон съел ложку супа, сморщил физиономию.

— Блин. Бабка бурду готовит.

Отнёс тарелку в туалет, слил суп и смыл в толчок. Ещё и поскрёб ложкой, чтобы она слышала. Конечно, ему не нравилось, что бабушка пробудет здесь целый день.

— Антон! Иди сюда, — позвал отец.

— Тыщу дашь?

— Фигищу. Иди, иди.

— Ага, щас! — сказал Антон и ушёл к себе в комнату.

Отец кашлянул и вскоре ушёл. Антон тут же зашёл в его комнату, чего отец вообще-то не любил. Здесь висело по стенам множество разных вымпелов, на полках стояли кубки, статуэтки милиционеров — из фарфора, из глины, из бронзы. Стоял мини-бар в виде старинного коричневого глобуса на ножках. Антона интересовало другое. Из ящика компьютерного стола он достал колоду карт и быстро ушёл с нею к себе в комнату. Прыгнул на диван, медленно достал карты из твёрдого картонного чехла и стал просматривать их. Особенно ему нравилась дама червей. Она сидела на фотографии на какой-то кушетке, задрала ноги с красными туфлями выше головы. Всё было видно, да ещё как. Между прочим, Антон мог без труда поглядеть и видео, у него был свой компьютер, имелись нужные диски. Но почему-то он очень любил эту колоду, о существовании которой знал уже года два. Когда он тайком брал у отца эти карты и нёс их в свою комнату, он каждый раз чувствовал то же, что и в самый первый раз. Какой-то запретный трепет вперемешку с мыслью, что всеми этими женщинами владеет его отец, что он тоже иногда смотрит на них.

Антон с минуту водил средним пальцем по даме червей, а потом взял трубку и набрал чей-то номер. Долгие гудки. Антон подождал. Тишина. Он подумал, машинально потасовав колоду, и набрал другой номер. Трубку взяла Настя.

— А... — она замерла от восторга. — Это ты, Антон...

Он прижал трубку плечом к уху, а в руках крутил карту. Выдержал паузу.

— Приходи.

— Когда?

— Прямо щас.

— Хорошо, я...

— Ты слышишь? Быстрей. Так надо, — и Настя услышала короткие гудки.

В тревожном ожидании

НАСТЯ СЕЛА за стол, нашла в связке своих ключей маленький ключик, открыла им замочек на своём дневнике. Распушенные локоны упали на страницы, потому что Настя очень низко наклонилась к столу: она теперь и наедине с собой не желала носить очки. Ей приходилось сильно щуриться, чтобы видеть буквы, которые она пишет.

«Такое ощущение, что что-то сегодня произойдёт. Антон так резко разговаривал со мной. Наверное, думает о деньгах для нас. Сволочи! Почему они не отдают ему эти деньги? Почему мир вообще так жесток, и надо постоянно преодолевать какие-то препятствия, чтобы добиться чего-то хорошего? Наверное, это правильно. Ведь тогда хорошее просто не чувствовалось бы. Он так мало рассказывает. Конечно, привык держать всё в себе, боится выглядеть слабым. Мне это нравится, конечно, мужчина и должен быть таким. Но так сегодня хотелось просто взять его голову, положить себе на плечо и чтобы он мне обо всём, обо всём рассказал. Я бы ему сказала: „Говори всё-пресё, мой мальчик, не скрывай ничего, можешь даже поплакать у меня на плече“. Но его бы это оскорбило. А как он сегодня играл со мной. Как с игрушкой. А я и согласна быть его любимой игрушкой. Я же, например, всегда прижимаю к себе своего Тосика. И ни на какую другую игрушку его не променяю. Тосик! Ты как будто грустнее, чем обычно, смотришь на меня. Наверное, придётся оставить тебя здесь. Мы ведь поедем без всего. Но я напишу маме, чтоб она тебя не выбрасывала. А когда она приедет к нам во Францию, она привезёт тебя. Нет, я всё-таки не верю до конца в это сумасшедшее счастье. Но я также не верю, что у Антона может что-то не получиться, ведь он гениальный человек, как это ни по-дурацки звучит в его годы. Что ж, жизнь состоит из противоречий, это ещё одно из них. Да, теперь я понимаю, что значит „в омут головой“. Я живу, как во сне. Но блин, это такой счастливый сон! И так символично, что всё это происходит весной, когда природа расцветает, когда солнце улыбается людям. Что бы там ни было, я всегда чётко понимаю, что это самые счастливые дни моей жизни. Будь что будет. А должно быть всё хорошо. «Держись, ребёнок». Как он это сказал! Будто за его плечами уже целая жизнь. А может, это правда, что у человека много жизней? Тогда в прошлой жизни Антон наверняка был каким-нибудь рыцарем или первооткрывателем. Я уверена, что кем-то великим. Господи, сделай так,

чтобы и в своей будущей жизни я тоже встрети-
лась с ним! Ладно, я закрываю тебя, мой днев-
ничок, потому что меня ждёт мой маленький
принц, мой любимый мальчик».

Женщина

НАСТЯ ПОДНЯЛАСЬ на лифте на седьмой
этаж. Антон сидел на ступенях с трагичным ли-
цом и смотрел вдаль, на светлое пятно окна. Он
даже не повернулся к ней. Она села рядом, об-
няла его, обдала запахом нескольких туалет-
ных вод.

— Всё хорошо? А, милый? Что случилось?

— Почему так долго? Я уже думал, с тобой
что-то случилось... Ты ведь понимаешь, что они
могли уже нас видеть вместе...

— Ты знаешь, мне плевать на этих придур-
ков, — Настя даже засмеялась от собственной
смелости.

— Дура, ты не знаешь, что это за люди. Это
звери. Реально звери.

Настя посерьёзнела.

— Пусть только попробуют что-нибудь тебе
сделать.

— И что? Что ты сделаешь? Ты ребёнок. Ты
знаешь, что они убили моего лучшего друга?

— Какого?

— Славика, ты не знаешь...

Настя помрачнела. Она жалела Славика, но
ещё больше жалела Антона, который этого Сла-
вика потерял.

— Блин, — сказала она. — Как таких своло-
чей земля держит? Куда смотрит Бог?

— Во-во, — подтвердил Антон. — Ладно, да-
вай перевернем тему.

— Тебе, наверное, тяжело вспоминать...

— Проехали, я говорю.

Настя покорно затихла. Антон взял её одной
рукой за шею и впелся в её губы. Настя этого
только и ждала. Её уже не волновал Славик, не
волновали сволочи. Вдруг Антон с досадой вы-
рвался из её объятий.

— Что такое? — испугалась она.

— Блин, Настя, я хочу тебя.

— У тебя дома?

— Дома сейчас нельзя.

— Ну и ладно, давай хотя бы просто цело-
ваться. Мне так тоже нравится...

Настя снова прильнула, но он опять выр-
вался.

— Слушай, я за себя не отвечаю. Я реально
хочу тебя.

Она заговорила шепотом:

— А у тебя уже было с кем-то?

Он помедлил с ответом.

— Было.

— Я надеюсь, ты уже про неё забыл?

— Сейчас опять вспомнил.

Настя тут же прослезилась.

— Антон, ну как так можно, мы же ведь лю-
бим друг друга!

— Понимаешь, мы с тобой ещё не так сблизил-
лись. Вот когда это произойдёт, я реально смогу
всё забыть.

— Но я думала, что мы уже самые близкие
люди...

— Ты этого не понимаешь, потому что у тебя
не было, понимаешь?

— Вот приедем во Францию, снимем номер,
и там будем одни-одни, больше никого. И никто
нас там не побеспокоит. Вот увидишь, я и сама
там на тебя наброшусь, можешь не сомневаться.
Знаешь, как мне в тот раз понравилось! — стыд-
ливо добавила она.

— Я не знаю насчёт Франции, — сказал Ан-
тон.

Это совсем ошарашило Настю.

— Как?!

— Понимаешь... я не могу до конца тебе дове-
рять.

— А ей ты доверял?

— Да, но она обманула меня.

Настя долго молчала. Наконец, тихо спро-
сила:

— Что же нам делать?

— Я не знаю. Но это должно произойти. По-
любому.

— Но где? У меня брат сейчас дома.

Антон медленно приблизил к ней своё лицо.
У него на носу, близко к глазу, коричневела не-
большая родинка. Он взял её за подбородок и
мужественно поцеловал.

— Можем прямо здесь, — сказал он.

— Нет, я не могу, — она со страхом поглядела
на ступени. — И вообще я не могу. Ни дома, ни-
где. Нет, Антон, этого не будет.

— Почему?

— А вдруг ты обманешь меня?

Он резко встал и направился к своей двери.
Остановился.

— Завтра я уже собирался ехать.

Отчаяние со скоростью света заметалось в
Настиных глазах.

— А деньги? — спросила Настя.

— Я занял бы у отца. Просто ты не тот чело-
век. Не парься, будь счастлива...

Он грустно взялся за ручку двери.

— Подожди... — неуверенно сказала Настя.
Зрачки её бегали, дрожа. Она должна была быс-
тро отыскать выход. — Иди ко мне.

Он так же грустно подошёл к ней. Глаза его говорили: «Чего тебе ещё? Мне самому уже ничего от тебя не надо». Она встала, заправила локоньки за уши и стала прекрасна с огоньками золотых серёжек и смелых глаз.

— Я согласна...

— Пойдём между этажей, — сказал Антон, уже забыв свой грустный, усталый тон.

— Но там же воняет, там мусоропровод?..

— Зато там никто не увидит. Пойдём.

Печальный осадок

ВЕРНУВШИЕСЯ домой, Настя сходила в душ, вышла оттуда в халате, со свёрнутым пакетом в руках, прокралась в комнату и тут же набрала его номер.

— Антон.

— Да, — сказал он недовольно. — Ну, говори, чего так долго молчишь?

Она грызла ноготь и смотрела в одну точку, как будто пытаясь понять, что именно хочет от него узнать.

— А почему ты так со мной разговариваешь? — странно спросила она.

— Как?

— Грубо как-то.

— Как хочу, так и разговариваю. Давай, говори, чего тебе.

Она всё смотрела в одну точку. Даже забыла, что теперь её очередь говорить, и опять довольно долго молчала. Потом спросила, без страха, без нетерпения:

— Мы точно с тобой уедем во Францию?

— Да что ты всё с этой своей Францией? Уедем, не бойся.

— Завтра?

Он злился. Долго не отвечал.

— Да, наверное, — сказал он наконец. — Ладно, мне надо идти по делам.

— Антон, а если отец не даст тебе денег?

— Не напоминай ты мне про эти деньги. Я сам знаешь как запарился о них думать.

— «Запарился». Глупенький... — не то с нежностью, не то просто ненароком сказала Настя.

— Э, ты чего!

— Ничего, извини. Пока.

Он первый положил трубку.

Настроение у Антона было отвратительное.

Он сидел в комнате и иногда приговаривал:

— Уродка. Уродина. Ссучка поганая, — как будто он сегодня не добился своего. — Хрен те в рыло, сучка, а не Франция, — сказал он с гневом и стал набирать её номер.

К телефону на этот раз подошёл Илья.

— А Настю позовите.

— А, это ты, что ли, маленький ублюдок? Здраваться что, не учили, щенок? Смотри, не попадись мне на глаза, мразь!

Но тут Настя вырвала у Ильи трубку.

— Алло, Антон, привет. Не обращай на него внимания.

— Что за козёл? — злобно спросил Антон

— Это мой брат, Илья.

— Чего ты там бухтишь, придурок? — снова встрял Илья. — Тебе что-то не нравится?

Антон услышал короткую борьбу брата и сестры.

— Алло. Всё, он больше не будет мешать, я припёрла дверь стулом.

— Скажи своему брату, что он в большой опасности. Поняла? В очень большой.

— Ладно, скажу, — успокаивала Настя.

— Да что «ладно»? Ты что, не веришь, что ли? Хочешь, чтоб я прямо сейчас пришёл со своими? С бейсбольными битами, хочешь, а?

— Ладно. То есть нет, Антон, конечно, не хочу. Ты что звонишь? Как у тебя дела?

— Короче, за мной охота, мне уже звонили. Я сейчас отсиживаюсь дома. Отец денег ни хрена не дал. Короче, жопа. Откладывается всё. Ты ко мне с неделю не заходи, я за тебя боюсь, они мне сами сказали, что тебя запомнили. Шантажируют, суки.

— Так ты что, и в школу не будешь ездить?

— Ну... буду. Меня отец будет возить туда-обратно. Но ты лучше в класс ко мне не заходи. Пока так надо. Короче, такие дела, малыш.

Антон стоял у окна.

— Вон, вон я вижу — из-за будки выглядывает, тварь! — и он стал показывать пальцем на угол трансформаторной будки. — Ничего, скоты, сейчас ещё мои люди из деревни подъедут через пару деньков, такое мясо вам устроят!

— Береги себя, Антон, — спокойно посоветовала Настя.

Он, кажется, уже не противился такой её интонации.

— Короче, пока надо схорониться. А ты сюда — ни ногой, поняла?

— Хорошо.

— Без обид?

— Без обид.

— Ладно, будь у меня там умницей, слушайся мамочку.

— Хорош эфир загаживать, придурок! — Илья неожиданно преодолел оборону и успел крикнуть в трубку очередные слова ненависти.

Антон размышлял, как себя следует повести.

— Он труп, — сказал Антон.

Настя тоже думала несколько секунд, что сказать.

— Ну... Ладно тебе, не злись. У него характер такой.

— Характер! Мне плевать, что у него там. Ладно, потом разберёмся. Пока-пока.

— Пока.

— Ссучка! — почти закричал Антон, положив трубку, и упал лицом на диван. Он не плакал, а просто извивался на диване, как червяк. Потом он снова взял колоду карт и принялся презрительно рассматривать их.

Настя снова счастлива

«В ОБЩЕМ так, мой дневничок. Ты и не догадываешься, какую новость тебе сегодня придёт-ся в себя принять. Твоя хозяйка стала женщиной. Я ещё даже не могу в это поверить. Всё произошло так быстро. Такая малость, какие-то полминуты, а так меняет всю жизнь. Конечно, мне хотелось, чтобы всё это было по-другому, я мечтала, что мы снимем номер, ляжем на бело-снежную постель. Закажем вина (если, конечно, они продадут вино несовершеннолетним). А вышло всё иначе. Наверное, я сама во всём виновата. Виновата, что тогда, у него дома, дала первый повод. Но я не жалею, потому что я сделала всё это из-за любви. Я дала то, что требовал мой любимый человек, дала во имя любви. Почему-то сейчас я не чувствую к Антону такой нежности, как утром. Он мог бы обращаться со мной и лучше. Но любимых людей нельзя осуждать. Если выбрал человека, то надо терпеть до конца. Так что, может быть, Антон даже стал мне дороже, роднее, потому что я пошла ради него на жертву, сделала то, что не делала ни с кем. Странно, но я теперь чувствую, что я всё-таки старше его, хоть он и попадает в такие недетские ситуации и такой мужественный для своих лет. А ещё я чувствую, как мы теперь неразрывно связаны с ним. Да, он был прав, когда говорил, что этим необходимо заняться, чтобы доверять друг другу. Всё-таки он у меня самый лучший! Почему-то я плачу, когда пишу это. Что-то навсегда ушло, слёзы так и капают из меня. Мне снова так хочется прийти к нему. Не для чего-нибудь такого, а просто. Посмотреть в его глаза и увидеть там любовь. Потом потрепать его по волосам, сказать ему, что не такой уж он и взрослый, каким хочет выглядеть. Пусть он обижается, а я буду смеяться и целовать, целовать его. Я стала гораздо сильнее. Мне

кажется, я и сама теперь на многое способна. Перечитываю сейчас то, что писала днём. Как будто всё это было написано не сегодня, а лет пять назад. Я обращалась к Тосику, как к живому существу, даже просила у него прощения. А теперь я понимаю, что это всего лишь плюшевая игрушка, и мне от этого ни горячо ни холодно. Да и ты, мой дневничок, я обращалась к тебе, как к другу, как к какому-то человеку, но ведь ты всего лишь тетрадка на замочке, а пишу я это всё просто в никуда, надо же куда-то девать свои чувства. Мне некуда обратиться, только к самой себе, или к такому вот непонятному „дневнику“, или к тебе, Антон, хоть ты и не слышишь меня. Эх, всё-таки мы такие с тобой неопытные. На что, к примеру, мы станем жить во Франции? Кто возьмёт тебя на работу в 13 лет? А я даже не купила линзы, чтобы появиться где-нибудь в модельном агентстве. Кому нужна во Франции такая уродка в очках? Ни о чём об этом мы ведь с тобой не подумали. Ладно, может, нам немного помогут родители, если не совсем обидятся, что мы уехали без спросу. А может, там найдутся свои хорошие люди, которые помогут нам встать на ноги. А мы потом тоже отплатим им. Может, я глупая идеалистка, но я твёрдо уверена, что у любви не может быть никаких преград, она все их разрушит. Милый мальчик! Неужели мы с тобой скоро увидим Елисейские поля! Нет, ты только представь: весна, люди сидят и лежат прямо на тёплой солнечной траве, они пьют вино или кофе, едят круасаны или читают книги. Никто не кричит друг на друга, не ссорится, не грубиянит, у всех такие хорошие, спокойные лица. Да я согласна питаться отбросами и жить на улице, как бомж, чтобы целыми днями лежать с тобой на этих полях! Господи, только бы всё получилось! Я верю, что получится. Мне так спокойно на душе. Я снова счастлива».

Совершеннолетие

РАННИМ УТРОМ следующего дня, ещё в трусах, отец зашёл на кухню, достал из кухонного шкафчика жестяную коробку из-под муки. Из коробки извлёк толстую стопку денег. Несколько раз пересчитал. Нервно чесанул голову, потом, задумчиво сопя, отделил от стопки одну тысячную бумажку, вторую. Неуверенно отделил третью. Потом вернул третью на место, а затем всё-таки взял её, убрал коробку с остальными деньгами на место и отправился в комнату к сыну, по дороге всё же с недоверием глядя на третью бумажку.

Отец тихо подошёл к спящему, положил деньги на одеяло, на дышащий живот.

— Илья... Илья-а.

Илья открыл глаза. Отец сказал небрежно:

— На животе. Три тыщи, смотри, чтоб не залетело никуда. Считай, что мой подарок. Типа на совершеннолетие. Можешь их честно пропить со своими дружками. Папа ещё зарабатывает.

Илья молчал. Отец постоял полминуты и вышел в коридор, но нарочно не закрыл за собой дверь. От Ильи всё ни слова. Отец снова зашёл в комнату:

— Мог бы хоть спасибо сказать, нахалёнок. Не сто рублей-то даю.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — и вышел, снова не закрыв за собой. Набрасывая в коридоре рубашку, добавил. — На проводы в армию ещё получишь, столько же.

В коридоре появилась мама в ночнушке. Спросила сонно.

— Толя, сколько ты ему дал?

— Сколько надо, столько и дал. Нормально дал.

Мама подошла к Илье. Сказала: «Ну что, поздравляю тебя, сынок», поцеловала и провела рукой по бумажкам на животе сына, чтоб увидеть, сколько их там. Потом молча пошла на кухню и там погромела жестяной коробкой.

— А ещё погромче греметь нельзя? — злобно сказал отец. — Перепрятывать потом сама будешь.

Мама вернулась и доложила на Ильин живот ещё две тысячи рублей.

— Скажи мне, вот на хрена ты ему добавляешь? — спросил отец.

— Потому что три тысячи на совершеннолетие — это мало, — убедительно сказала мама, — Хотя бы уж пять.

— Да какая разница. Да... да какое вообще совершеннолетие? Совершеннолетие — оно должно быть вот тут! — отец постучал кулаком по лбу. — Я несколько дней впахиваю за эти пять тыщ, а прожрёт-то он их не за несколько, а за *один* день, вот увидишь.

— А что ему делать, если мы его ничем не смогли заинтересовать? Сами виноваты. Так что пусть прожрёт, как ты выражаешься. Всё равно скоро в армию.

— А, вот ты как заговорила? Ничем не заинтересовали? — отец затыгивал на джинсах ремень. — Хорошо. Заинтересуй. Заинтересуй! Научила б его, б...ь, тогда твои кроссворды загадывать! Сидел бы чертил целыми днями кубики. Или носки нюхал. Вот интересно.

— А ты научил бы смотреть целый день, как там режут кого-нибудь или насилуют по телевизору! И на диване валяться научил бы!

— Между прочим, я!.. — начал отец, но тут Илья встал между родителями с молчаливо выставленными бумажками.

— Не вздумай взять у него, — сказала мама отцу. — А ты иди лучше, Илья, нечего спектакль устраивать. Дали и дали.

И взялась за голову:

— С самого утра! Господи...

Митюша

БАБУШКА НЕ ЛЮБИЛА лифты, поэтому поднималась на четвёртый этаж пешком. Подолгу передыхала на лестничных клетках, хоть была и совсем не грузная, а наоборот, худая.

Когда она стояла между вторым и третьим этажами, опершись на перила, улыбающийся Митя приоткрыл дверь и выглянул в подъезд. Из его квартиры пахло ладаном.

— Здравствуй, Нина Ильинична.

Митя сбежал с третьего этажа прямо в тапках, тут же взял бабушку под руку и стал вести её по ступеням, удивлённо заглядывая прямо в лицо. На вид это был подросток лет пятнадцати, но говорили, что ему уже двадцатый год.

— Здра... ох... здравствуй, Митюша. Ты у меня прямо помощник.

— Ммммгм! — блаженно загудел Митя и повторил за ней счастливым шёпотом. — Помощник... ты у меня помощник...

— А я вот... иду Илюшу внука поздравлять. Восемнадцать годков ему.

— А я вас, между прочим, ещё в окошко увидел. Я зна-ал, — погрозил Митя пальцем. — Зна-ал, что вы придёте.

— Откуда ж ты знал?

Митя не ответил.

Они поднялись на третий этаж. Бабушка отдыхала, шумно дышала, держась за грудь. Митя с любопытством разглядывал её. Отдышавшись, бабушка достала из холщёвой сумки пакетик из-под молока, а из него баранку.

— На, погрызи во славу Божию.

— Господу нашему слава, аминь, — сказал Митя удивлённо, взял баранку и стал смотреть на неё из-под очков маленькими косоватыми глазами. Потом перекрестил подарок и положил в карман рубашки. — Нашему слава аминь... — повторил он несколько раз затаённым шёпотом, как бы вникая в смысл собственных слов.

Бабушка продолжила свой нелёгкий подвѣм. Митя почему-то уже потерял интерес поддерживать её. Он просто шѣл рядом с ней и думал о своём, а она и не требовала от него помощи.

Потом он остановился, отстал от неё, потевравшись в своих мыслях, а бабушка продолжала подниматься.

— А я теперь с подносом на ектеньи выхожу. Мммгмм! С подносом... на ектеньи... А в алтаре меня батюшка Александр не благословляет помогать. Он говорит, что я могу нечаянно чашу столкнуть. Конечно, у меня же зрение плохое. Родовая травма... родовая... травма...

— Чашу — это нельзя, Митенька, опрокидывать. В чаше тело и кровь Христовы.

Митя смотрел снизу на Нину Ильиничну. Она стояла мутным силуэтом на фоне подъездного окошка, отдыхала.

— Чашу... нельзя... — прошептал Митя. — Батюшка Александр мне уже пять иконок подарил за просто так. И масло подарил от Матронушки. Он иногда разрешает мне заходить в алтарь, после службы.

— В алтаре хорошо, Митенька. Там самая благодать...

— В алтаре... хорошо...

Вдруг Митя совсем забыл о бабушке и медленно, словно окончательно чём-то поражѣнный, стал спускаться вниз и даже ушѣл ниже своей квартиры, из которой вышел только ради Нины Ильиничны. Он спускался и разговаривал сам с собой. Достигнув нужного четвѣртого этажа, бабушка услышала, как Митя вдруг громко зашел:

— Возвесели-ит-ся праведник о Го-о-спо-де! И упова-ет на Не-го!

Сразу открылось несколько дверей, и раздались ругань жильцов. Митя притих, а их голоса ещё долго сливались в лай. Может, люди уже ругались не на Митю, а между собой или просто разговорились друг с другом о том о сѣм.

Праздник

БАБУШКА НЕ ЛЮБИЛА пользоваться звонком, она тихонько постучала в дверь сухой ладонью. Открыл отец в обычной домашней одежде — трико и чёрной майке, на которой скалился волк с горящими глазами и окровавленной пастью.

— Мать, ты стучишься, как мышь скребѣт. Хорошо, я рядом проходил. А то полчаса бы стояла. Что так дышишь? Мешок с деньгами для внука тяжѣлый?

Бабушка ничего не ответила. Медленно разделась, разулась, а платок на голове оставила.

— Сними, — предложил отец. — У нас тут не молельня.

— Не буду.

— Что, мать, голову — тоже в платке моешь? — спросил отец.

Она словно и не слышала его. Прошла, дыша, в зал. За столом сидела мама, рядом с ней её лучшая подруга; напротив них — отцовский старший брат-погодок дядя Боря. Меж пуговиц байковой рубашки у дяди Бори глядела тельняшка. Во главе стола сидел немного смутный Илья. Рядом с ним, на углу, Настя. Была здесь и другая бабка, Антонина Петровна, мамина мама. Вроде, все были в сборе. Нина Ильинична отыскала взглядом внука и поманила рукой. Илья вышел из-за стола, бабушка прихватила свою холщѣвую сумку и они ушли в Ильину комнату.

— Куда там наши пять тыщ, Валя, — развязно сказал отец жене, видимо, не без гордости за пять зелёных бумажек. — Вот бабка сейчас раскошелится — это да. Попов своих без иномарок оставит. Ну что, Петрович?

— Ну что, Петрович? — отозвался щетинистый дядя Боря. Они любили так перекликаться: «Эй, Петрович?» — «Чего, Петрович?»

— Хватит, может, посуду сушить? — спросил отец.

— А я не знаю, чего ты. Кто хозяин-то? Водка вон сейчас вскипит.

Они вдвоѣм выпили водки, не чокаясь, Антонина Петровна и мамина подруга выпили вина.

Бабушка вернулась со спокойным, мало о чём говорящим выражением лица. Когда нагибалась, чтоб поставить сумку у стены, уголок платка на спине поднялся вверх, как хвост у птички, клюющей зерно. Илья зашѣл в зал чуть позже. Отец бросил на него взгляд, машинально поддакивая брату, который рассказывал что-то неинтересное.

Началось застолье. Бабушка встала и, беззвучно шевеля губами, начала молиться, глядя в пустой угол комнаты. Отец сказал тихонько: «начинается», посмотрел недовольно на мамину подругу и включил телевизор на тихом звуке.

— Пусть фонит, — объяснил он.

— Даже тут, что ли, без этого ящика не можешь, — заметила мама. Отец с вызовом поглядел на неё и налил себе и брату. Бабушка перекрестила стол, как священник, и села.

— Что ж, мать, сразу не поколдовала, как пришла? Мы уж по тарелке несвятого съели,

так получается? — пошутил дядя Боря, но мало кто понял шутку, только отец усмехнулся, подержал.

— Бойтся отравим, — толкнул он брата локтем и взял рюмку — Обеззараживает.

— Все в сборе-то? — спросила вдруг бабушка тихонько, как будто саму себя. — Всё мне кажется, недостаёт кого-то.

— Ты скажешь, мать. Идиота не достаёт с третьего этажа. Ты его, знаю, очень любишь.

— Помолчи, Толь. Скажи лучше тост, а то пьём просто так, даже не чокнемся ни разу, — попросила мама. — Не поминки же.

— Не буду, — сразу отрезал отец. — Нечего мне сказать. Живой и ладно.

— Да ты посмотри, какой он у тебя качок! — сказал дядя Боря и раздвинул локти, видимо надеясь, что порадует этим хотя бы самого Илью. Но ни Илья, ни кто другой не порадовались его словам.

— Тогда я скажу, — сказала мама, встала, взяла с комода большую покупную открытку с цифрой 18 и с надписью: «Любимому сыну от родителей».

— Любимому сыну от родителей, — прочитала она. — Стихотворение.

Она волновалась, как будто ей предстояло прочесть стихотворение её собственного сочинения, хотя на самом деле стишок был из тех, что прилагаются готовыми к открытке.

— Наш сын! Тебе уж восемнадцать!
Открылась в жизнь большая дверь!
Непросто с детством расставаться,
Но не вернуть его теперь.
Дорог миллионы распахнутся
Перед тобой уже вот-вот.
Стоишь, как витязь на распути.
Вопрос о выборе встаёт!..

Почти все глядели в эту минуту на Илью. Что-то было в воздухе. Илья сидел, раскинув широкие плечи и подняв брови, на лбу у него собралась рябь из мелких складок, от которой он казался намного взрослее, но не мудрее. Наверное, он больше думал о взглядах, прилипших к нему, и о том, как надо себя держать, когда в твою честь читают открытку, чем о смысле стихов. Из всех сидящих за столом только Антонина Петровна и отец смотрели не на Илью, а на чтеца. Первая глядела с гордостью, а второй с выражением, говорившим: «Ну, скоро ты закончишь этот позор?»

Когда отец услышал про «вопрос о выборе», то пробурчал себе под нос: «какой, к чёрту, выбор», и с досадой положил в рот ложку «мимоzy».

Мама продолжала.

— ...Что ждёт тебя — морские мили,
Субтропики иль Эверест?
В прекрасном и огромном мире
Немало есть достойных мест...

Тут уж и отец взглянул на Илью. Замысловатые слова из географии не осветили лицо сына никакой новой мыслью. Потом отец снова метнул подозрительный взгляд на мамину подругу, как бы соображая: не смеётся ли втайне, не считает ли за убогих? Вроде, подруга не думала ничего такого.

— ...Но белый свет как ни огромен,
В какой бы ни попал ты край,
Не забывай, откуда родом,
Родителей не забывай!
Пусть друг за другом ярким следом
Сверкнут счастливые года...

— И чтобы в армии тебя деды не били сапогами никогда! — встрял отец и с глупой улыбкой выпил рюмку, да так стремительно, что многое пришлось и на волка с кровавой пастью.

Мама медленно перевела взгляд на мужа, потом снова на открытку:

— ...И пусть ведёт тебя к победам
Твоя счастливая звезда.
Что пожелать ещё, мой милый?
Быть может, сам мне дашь совет?
В тебе ведь все желанья мира —
В твои-то восемнадцать лет!

Кое-кто поаплодировал. А отец нет, и дядя Боря тоже нет. Наверное, из солидарности.

— Молодец! Молодец! — хвалила Антонина Петровна дочь.

Мама, наконец, тоже обратила взгляд к сыну. Она посмотрела на него с каким-то нежным удивлением, будто стихи из открытки рассказали ей самой много нового о нём. Нечто вроде всеобщего вдохновения и облегчения пронеслось над столом. Но отец махнул рукой и налил себе и брату ещё раз.

— Лучше бы своими словами сказала, — он свистнул гниющим зубом. — Думаешь, он понял что-нибудь? Какой ему Эверест? Какие мили? Ему бы из-за стола скорее выбраться да в подворотню, к своим орлам. Не-е, это не про него стихи.

— Тооля... — расстроилась Антонина Петровна. — Ты слишком уж строг.

— Нет, ну надо же понимать, чего действительно можно ждать от человека, а чего нельзя.

Он выпил. Мама с подружкой тоже. Отец понимал, что правота целиком на его стороне, и поэтому позволил себе продолжать спокойный монолог с набитым ртом:

— Понимаете, написать можно всё что угодно. И про Эверест, и про боженьку, и про ангелов с крылышками. А в жизни-то посмотри — другое творится.

— Не, Петрович, — жевал тоже дядя Боря. — Ты в какую-то не ту, по-моему, область заглянул. Что плохого? Сейчас отслужит в армии... — он хотел перейти к какому-то дальнейшему перечислению событий с загибанием пальцев, но почему-то потерялся в мыслях на секунду, и этой секундой воспользовался отец.

— И что? — он положил локти на стол и вдавил голову в плечи. — Ты его-то спроси. Спроси, спроси.

Все поглядели на Илью. А Настя, прищурившись, испытующе глядела на отца.

— А правда: что делать-то будешь, племянник, — спросил дядя Боря, — когда с армии возвратишься?

— Ну, не знаю. Охранником пойду куда-нибудь.

— У них сейчас все охранники, — наготове сказал отец. — Каждый что-нибудь охраняет. Делать они ничего не умеют, и не проси. А денег-то хочется! Скоро любого на улице спроси: охраняешь что-нибудь? — охраняю, скажет. А ты? — Конечно, и я охраняю! Страна охранников. Не «где работаешь?» можно будет спрашивать, а «что охраняешь?». А, ну и грузчики ещё, правда. Но те хоть устают. А эти охранники, они ж там целый день на заднице сидят в своих будках. А дурь-то молодую надо им куда-то выплёскивать. Ага, вот и пройди ночью по городу. Эти охранники так тебя отмудохают за «дай покурить», что мало не покажется. А про кулаки его я не сомневаюсь. Уж мой сынок будет охранник так охранник. Из армии злой придёт, поколоченный!..

Никто не перебивал отца. Такая тишина заставила его выговорить всё до конца.

— Охранники с грузчиками... Только кто это всё будет производить, что они там грузить и охранять собираются? Узкоглазые, б...ь, желтопузики?! Или америкосы, б...ь, срные? И наживаться на наших богатствах! И сосать из нас, качать шлангами, пока они там охраняют и грузят, охраняют и грузят, грузят и охраняют, б...ь!..

— Остановись, — сказала мама. — Покраснел аж весь. Совсем от этого ящика с ума начал сходить.

Отец успокоился, выпил. Проверил, как смотрит подруга. Нормально смотрит.

— Молиться, молиться надо. Только это одно нам поможет, — вставила бабушка дрожащим голосом и тут же откинулась на спинку дивана, предчувствуя нападение, которое и последовало.

— Молись! — встал отец с глазами, ярче, чем у своего волка, и, глядя на мать, показывал пальцем на Илью. — Молись, мать!

— А я и молюсь.

— Ну, — он обвёл ладонью круг гостей. — И где результат?

— Всё. Мне это надоело, — сказала мама, налила чуть не полфужера водки и разом выпила.

— Нет, мне даже интересно. Вот помолись, мать, крепко помолись, попроси своего боженьку, чтоб твой внучек стал семи пядей во лбу, — отец сильно постучал себе по лбу. — Попроси, чтоб и я — твой сын — тоже уверовал, как этот! — он показал вниз, где жил Митя.

— Прекрати, Петрович, — дядя Боря пытался усадить брата.

— Во! Во он тебе что покажет, твой боженька! — отец тряс фигой над столом. — А знаешь почему? А я тебе скажу почему! Потому что его нет! Нет и всё!

Ещё крича, отец заметил, что подруга всё это время медленно пила чистую водку из стакана для сока. Он остановил на ней взгляд, и она тоже посмотрела на него, закусив стакан перед глотком, — посмотрела глупым и мирным взглядом. Этот взгляд как будто извинялся перед отцом за то, что всё выше сказанное она пропустила совсем мимо ушей. И отцу словно передалась её умиротворённость. Отец сел и посмотрел на своего сына. Илья что-то отколупывал от кресла, на котором сидела подруга.

Вскоре тихонько вышла Настя.

— Какая девушка стала, — заметила Антонина Петровна и снова вернулась к открытке. Наверное, она так и не поняла, что это казенные стихи, и качала головой, соглашаясь с каждой дочкиной мыслью. «И пусть ведёт тебя к победам твоя счастливая звезда».

Через минуту вышел и Илья. И отец с дядей Борей отправились покурить на лестницу. Бабушка поправляла узел платка у подбородка. А мама с подружкой уже запели:

— Жить без любви-и-и, быть мо-о-жет, про-осто,
Но как на све-е-те без любви прожить...

Две эти строчки, конечно, противоречили одна другой. Пожалуй даже, просто-напросто уничтожали друг друга: жить без любви — это

так просто и, в общем, удаётся каждому. А с другой стороны, это невозможно, немислимо.

И лица пьяных женщин очень точно выражали растерянность человека перед этой непостижимой мыслью.

Пора

«**ВСЁ ЭТО ТОЛЬКО** подтверждает мои мысли. Что я и думала. Какой ужас творится на свете! Все думают только про свои вечные деньги. Ну и чего они набросились на Илью? Они не понимают, что главное в мире — любовь. Ведь если он встретит хорошую, подходящую девушку и полюбит её, а она его, то он сможет всё и будет счастлив. И неважно, где он будет работать. Охранником? А что в этом такого, если есть ЛЮБОВЬ!!!! Мне повезло. Мне достался чистый, но в то же время мужественный мальчик. Он уже кучу всего повидал, но его ещё не успела испортить жизнь. Я научу его любить хорошие книги, мы будем разговаривать о них, лёжа на Елисейских полях или где-нибудь на берегу озера в Булонском лесу! Ему уже не надо будет каждый день беспокоиться за свою жизнь и участвовать в этой ужасной игре, дружить с этими сволочами бандитами. Он поймёт, что есть другой мир, другие люди, которым не надо бороться за выживание. И тогда он станет простым и нежным мальчиком, моим настоящим принцем, и уже никогда не будет так грубо со мной обращаться. Вся его грубость уйдёт в прошлое, как ужасный сон. Он сейчас и не подозревает, что я могу прийти к нему. Думает, я побоюсь его бандитов. Да плевать мне на них. Я не боюсь смерти. Да, это так, как бы странно это ни звучало в моём возрасте. Если я не боюсь расстаться с семьёй, это, надеюсь, уже говорит о какой-то смелости! Только бы он сам не испугался. Всё-таки в нём ещё не совсем погиб ребёнок. (Как странно я говорю.) Пойдёт ли он за мной, когда я приду и скажу ему: «Всё готово, мой милый. Нужен только ты и твоё согласие». Нет, нельзя сомневаться в нём. Прости меня, Боже. Как я вообще посмела сомневаться? Прости меня, мой милый, мой смелый мальчик, что я даже на секунду в тебе засомневалась. Я знаю, ты поедешь со мной. Ведь я хочу только одну любовь — раз и навсегда. Как в сказке. Меня, конечно, бесит, что он любил до меня. Я не понимаю, как люди могут любить два, три, четыре раза. Даже не знаю, как это сказать. Это всё равно, что иметь две, три, четыре мамы. Сначала одна мама, потом другая, третья, четвёртая. И ты называешь каждую: «Мама, мамочка».

А предыдущую забываешь. А предыдущая что? Получается, она была не мама? Нет, значит, у него это была не любовь, а просто глупость какая-нибудь. Он-то ведь тогда был ещё меньше, чем сейчас, вообще ничего не соображал. А она просто была проститутка. Прости меня, Боже, что я говорю такие слова, но я не могу её понять. Конечно, увидела, какой красивый мальчик, и переспала с ним, а он и подумал, что это любовь, вот и ошибся. Блин! Нет, я не позволю себе даже посмотреть ни на кого другого. Если запишусь в модельное агентство — пусть эти французишки хоть обсмотрятся на меня, пусть обзвонятся на свои обеды и ужины. Нет, я буду только с ним — всегда и везде. Пусть меня считают странной, старомодной, отсталой дурочкой, а я буду везде ходить с ним. Я ему отдала своё самое главное, своё женское богатство, свою девственность. Значит, я люблю на свете только его одного. Как это страшно звучит: отдать девственность. Мне даже странно писать про себя это слово. А кстати: я ведь могу и без этого агентства обойтись. Точно! Зачем заставлять его ревновать? Я буду работать простой переводчицей. Блин, я пишу и пишу, и всё не могу остановиться. А сейчас оставлю этот дневник тут и уйду. Мама с тётёй Леной всё поют свои грустные песни. Что ещё им остаётся делать? В песнях хотя бы всё не так по-уродски, как в реальности. Блин, мне так жалко маму. И папу тоже жалко, но папу меньше. Папа будет меня ненавидеть за мой побег, зато больше полюбит Илью, и ему меньше будет влетать. Папа станет его ценить, и, когда он вернётся из армии, папа поможет ему стать нормальным человеком. Так-то он пока себя успокаивает, что я у него есть нормальная. А мама, она ведь ничем не успокоится. Она так всех любит, так за всех страдает. Она даже папе всё прощает. Блин, а как она пьёт! Жадно! Начинает потихоньку, а потом не может остановиться. Как встретятся с тётёй Леной — всегда напиваются. Если ещё и я уеду, она же так совсем сопьётся, и ей уже даже не захочется приехать к нам во Францию. Ей будет уже вообще всё равно. Ладно, пусть всё будет, как будет. Надеюсь, будет хорошо. Мой дневничок, я снова обращаюсь к тебе, как к живому существу. Прощай! Ты часто мне помог!»

Разговор с братом. Прощание

КОГДА НАСТЯ ВОШЛА в комнату Ильи, она сразу почувствовала запах дезодоранта. Илья стоял, отвернувшись к окну, и чём-то шуршал —

видимо, пересчитывал деньги. Услышав, что вошли, резко обернулся. Видно, папина шутка оказалась правдой: бабушка и впрямь дала необычно много денег.

— Чего тебе ещё?

— Ты куда собираешься, Илья?

— Тебе не пох?.. Сама-то вон, вижу, тоже куда-то собралась, губы раскрасила. К ублюдку небось своему ммелкому, — усмехнулся Илья.

Настя подошла к брату. Обняла его.

— Э, опять?

— Илья. Обними меня тоже. Мы, может, с тобой ещё не скоро увидимся.

Илья отодвинул её от себя.

— Ты про что это, а?

— Просто. Не говори никому. Я решила на один не очень хороший поступок. Прости меня, если...

— Ладно, хорош мне мозг выносить. Бухнула, что ли, за столом, вместе с мамой?

— Нет, я трезвая. Могу дыхнуть... Илья, не слушай про то, что говорил папа.

— А я, думаешь, чего-нибудь понял, что он там вещает? Мне это как-то вообще ровно.

Настя присела на братову кровать.

— Вот и молодец, не слушай. Ты знаешь, Илья, что тебе больше всего нужно? Тебе нужна любовь. Я тебе точно говорю.

Илья отскабливал какую-то грязь со штанов, потом искал свежие носки.

— Блин, Настя, — он оскалился с непривычки говорить о таких вещах. — Ты какая-то не такая стала с этим ублюдком. Про любовь какую-то говоришь. Это в кино там — любовь, всякая другая херня. А по жизни всё вообще не так, — он ещё раз побрызгал под мышками. Кажется, ему стало даже немного приятно собираться на улицу, болтая с сестрой. Он повернулся к ней. — Я тебе бля буду, этот мелкий тебя — на-е-бёт!

Последнее слово он сказал беззвучно, лишь открывая рот, хотя мог спокойно ругаться при Насте. Просто настроение у него было приподнятое, немного игривое. А у Насти оно, наоборот, было тревожное, да ещё и брат был так непробиваем.

— Так ты что — неужели ты даже не веришь в любовь? — не теряла Настя надежду.

— Мля, да я вообще не знаю, что это такое. Ты дура, что ли? — Илья закинул в рот подушечку жвачки. — Будешь?

Настя взяла подушечку, но не стала жевать.

— Тогда мне тебя жалко, Илья.

— Жалеть будешь своего молокососа, поняла? А не меня.

— А мама и папа? У них что, по-твоему, если не любовь?

Илья чувствовал себя таким уверенным и красивым, что хотел бы сразу как-нибудь хлестко ответить и на этот вопрос, но пришлось задуматься.

— Не, ну блин... Ну, короче, точно — это не любовь. Отвянь.

— А что тогда любовь?

— Я тебе говорю, это всё кино-о.

— Но ведь зачём-то они поженились?

— Ты дура? Если б они не поженились — тебя бы вообще не было, — он взлохматил ей волосы, чувствуя, что поставил в тупик. — Сиди лучше молчи.

Похлопал себя по карманам, выключил свет и вышел в коридор обуваться на улицу.

Настя осталась одна в темноте и прилегла на кровать Ильи. Отвернулась к стенке. Кровать была тёплая, будто на ней до этого сидел и лежал другой её брат, понимающий, мягкий, нежный. Будто грел постель специально для неё. И то, что Илья для неё навсегда отправлялся в прошлое, заставило её верить, что он и в самом деле такой, просто потерял где-то своё тепло или спрягал так, что сам не может найти. Настя заплакала, ей было жалко брата. За окном шумели машины — их звук приближался издалека, быстро достигал вершины громкости под окном и также быстро удалялся в никуда. Потом новая машина делала то же самое, потом ещё одна — бесконечное число машин проносилось под окном. Тоскливо было это слушать. А в зале, при электрическом свете, уже звучала уносимая посуда. Тётя Лена помогала маме с уборкой. Дядя Боря прощался, набрасывал неизменную камуфляжную куртку, говорил, что доведёт свою родительницу до дома. Он говорил ещё много чего, но почти никто не прислушивался, не отвечал ему. Только отец соглашался с ним из жалости, вернее, немного поправлял его слова, чтобы сделать их понятными и интересными для других. Между прочим, отец наконец-то сказал бабушке что-то не едкое. Он сказал: «Ладно, давай, мать». Судя по шороху курток, даже обнял. И Настя почувствовала нежность к отцу за эти слова и за это объятие, и это тоже добавило слёз. Однако надо было торопиться.

Лошадка

ПОДРУГА ПОМОГЛА с посудой и ушла. Антонине Петровне вызвали такси, и она только что вышла на улицу, сказав на прощанье дочери, что праздник был прекрасный, удивительный, особенно стихи. Теперь мама домывала фужеры и рюмки, а отец сидел за кухонным сто-

лом и иногда наливал сам себе водки да выпивал.

— Настя чего-то грустная была, — заметил он.

Мама усмехнулась:

— Хм, чудная. Всё линзы свои требует. Говорит, «я в очках уродина».

— Ну и хорошо, если уродина. Мне только спокойнее. Сейчас кто не уродина — те сразу в шалавы превращаются.

— Тише говори. Разбудишь. Она уж спит, наверное.

Отец встал, закурил и открыл кухонный шкафчик. Раза два в день он пересчитывал деньги. Он взялся за мучную коробку и едва оторвал от полки — рука застыла в подозрении: слишком легко. Он достал коробку, терпеливо стряхнул пепел в пепельницу. Открыл. В коробке было пусто. Мама подошла и тоже увидела пустоту.

— Убью. Убью, ссуку, к чёртовой матери...

Отец проговорил эти слова, спокойно загнул сигарету и сел за стол.

— Кофе мне завари.

Мама стояла бледная.

— Толь. Как ты на работу-то встанешь? Ложись, а? Завтра разберёшься. Толь, ну, не надо. Не надо, Толик, — она уже чуть не плакала, боясь за сына: такой страшный гнев колыхался в отцовских словах. — Я прошу тебя.

— Кофе, говорю, завари мне.

Она послушно стала заваривать растворимый кофе. Долго молчали. Потом перед отцом был поставлен кофе, но отец не заметил кофе, он глядел в пустоту, ожидая от неё чего-то.

— Конечно, он хам, — согласилась мама, протирая стаканы. Она решила поскорей заполнить отцовскую пустоту своей мягкостью. — Пять тысяч мы ему дали, ещё твоя мама сколько-то дала. Боря дал пятьсот рублей, моя мама рублей триста. Как можно быть таким нахалом? Я тоже этого не понимаю...

— Это не мой сын, — спокойно перебил отец, не вылезая из своей пустоты. — Это мразь. Тупая — неблагодарная — мразь. Ему плевать на тебя, ему плевать на меня. Я хочу, чтоб он содох.

— Толь, ну нельзя так. Это ж всё-таки только деньги. А то наш сын. Какой бы он ни был.

— Там было без малого шестьдесят штук. Пятьдесят восемь.

— Ну... может, он влип в какое-нибудь нехорошее дело?

— В говно он влип.

— И что ты с ним теперь сделаешь?

— Узнаешь. Я тебе расписывать не собираюсь. Достаточно я уже к тебе прислушивался,

когда ты, б...ь, его от меня заслоняла. Не надо мне больше этого. Всё, терпение кончилось.

— А что, лучше, чтобы не из дома, а у чужих воровал? Хорошо хоть не грабит, не убивает никого на большой дороге.

— Да пусть лучше убьёт кого-нибудь. Такую же себе подобную мразь. И пусть его упекут за решётку на двадцать лет, чтоб я о нём вообще не вспоминал. Чтоб выкинуть его на хер из жизни, как пустое место. Как ошибку. А когда он выйдет, к тому времени я уж и сам подохну, и мне будет всё равно.

— Страшные ты вещи говоришь, Толя.

— Валя, это не вещи страшные... — глаза у отца вдруг заблестели, будто уставшие от пустоты и злобы. — Это жизнь страшная.

Он налил и быстро выпил.

— Поганая и страшная, — печально уточнил он на выдохе. — Ты посмотри на всех, кто у нас был сегодня. Это ж ведь тоска, а не люди. Твоя вон мамаша: всю дорогу ей папаня твой изменял и деньги из неё тянул и после развода ещё до седых мудей на её счёт жил. А когда паралич его долбанул и он стал на хер никому не нужен, так она, дура, его ещё пятнадцать лет держала, пока не помер, выгребала из-под него и нормального мужика даже выгнала. Это что, разве не страшно? Нет, ты просто представь себе это! А теперь у неё все молодцы, все умницы, все красивые-счастливые. И это, Валя, тоже страшно, как она радуется. Это не от радости она радуется, а просто она свихнулась от такой жизни, сломалась. Моя мамаша — не лучше. Та сама отца сгнаивала всю жизнь, каждую копейку от него зажимала. Он помирал — она рюмки ему не налила. У мужика руки были золотые — всё из-за неё профукал — сгорел. А теперь у неё бо-оженька! Одино-око стало бабушке без мужа-алкоголика! У огра-адки лежать охота у поповской!.. Страшно? Страшно. Брата моего взять — тот тоже: строит из себя всю жизнь кого-то, а сам двух слов-то связать не может, в голове — как в сарае, хлам один. А чего строит? А это он из себя строит, что его отец в своё время в институт пропихнул — ты представь, сам отец без высшего был образования, а его так уважали, что он других в институт пропихивал! И что? И этот Боря там год отболтался, по шалавам в общежитии шастал, а теперь строит. Бабу — не нашёл, работы нормальной — нет. Говорит: «Я кинолог». Ага, жрачку овчаркам милицейским разносить и в сто шуб одеваться, чтоб они его там драли на тренировках — это «кинолог». Это, говорит, я иногда «фигурантом» подрабатываю. Так и говори: «фигурант», а то «кинолог». Я ж ему ещё и пятьсот рублей его обратно вернул, что он *это-*

му якобы подарил. Думаешь, не взял, отказался? Взя-ал, ещё как! И у матери ещё выпросил пятихаточку, я уверен.

Мама слушала внимательно, с преданностью и печальным доверием глядя на мужа.

— Ленка твоя (не знаю, правда это, нет; она у нас нечасто бывает) — так ты говорила, её муж побивал, что она кровью сплёвывала. Так-то на вид не скажешь, конечно, приличная баба. Но это что — жизнь? Да ни хрена не жизнь. И ты от меня... — отец зажал пальцами переносицу... — тоже терпишь постоянно, как эта...

— Толя, — оживилась мама и стала гладить мужа по плечу. — Ну, вот и надо, значит, его простить. Не бей ты его, Толь...

— Да что ты всё про это... — капризно отмахнулся отец и снова выпил. — И так на кого ни плюнь. На работе, на улице, в магазинах — все задроченные какие-то, злые, неблагополучные. Хоть одного бы счастливого человека увидеть. Вот правда. Я, думаешь, стал бы завидовать? Да не стал бы. Я б только спросил: «Слушай, друг, расскажи мне, как ты так сумел всё устроить, что вот ты не задроченный, не злой, а нормальный?» Надоело... Надоело деньги эти в коробку прятать — от своего (ты подумай, Валя!) от родного сына! — и потом за них трястись, думать о них, как они там лежат в темноте, эти деньги. Надоело рожи видеть весёлые по ящику. Галкин, хералкин. Думаешь, мне это всё нравится, раз я смотрю? Нет, Валя. Всё к чертям катится, а они юморят, смеются, в баб переодеваются, голые бегают, чтоб нас с толку сбить. А шутки-то все хреновые, про сиську и письку, а мы как свиньи — нам, вроде, плевать, что в корыто набросали. Всё сожрём... Что ещё?.. — отец уже стал нарочно припоминать, чтоб выговориться без остатка. Разговор начистоту приносил ему чувство освобождения, другой такой случай ещё неизвестно когда представится. — Во, ещё в подъезд этот наш заходить надоело, где наплёвано, набросано, резинки валяются. Что с погодой стала такая херня, надоело тоже. Ни зимы толком, ни весны. Одна грязь круглый год. Дырок в космосе насверлили своими заводами — а мы и расхлёбываем, не знаем уже, где зима, где весна, а где лето. Всё надоело...

— Что, совсем уж, думаешь, ничего хорошего не осталось?

— Ничего хорошего.

— Это значит, Настя в тебя такая. Хочет отсюда уехать. Во Францию.

— Ну и дура. Вот уж чего не хочу, так это во Францию. Там, думаешь, своего дерьма не хватает? Такие же злые, как я, сидят по квартирам и в телевизоры пялятся. Только картавят — гхэ,

гхэ, гхэ — вот и вся разница. У нас хоть говорят нормально.

Отец уже почти не замечал, как наливает и пьёт. Мама тоже.

— А хоть что-нибудь ты хорошее помнишь, а, Толь? Помнишь, например, Илюшу из роддома принесли, отец твой, Царство Небесное...

— Царство Небесное... — горько перебил отец. — Ва-ля! Ты сама-то в него веришь — в это Царство Небесное?

— Ну что ты опять цепляешься? Говорят так просто, про покойников. «Царство Небесное».

— Во-во. Говорят. Говорят, что кур доят, — отец мой, кстати, любил присказку. А ты-то — веришь? Воображаешь вообще, как там устроено?

— Нет.

Мама, наверное, не очень хотела говорить о Царстве Небесном. Но ей было сейчас приятно, что они ещё могут сидеть вдвоём и хоть о чём-то долго разговаривать.

— «Нет»... — отец повторил её ответ с незлобной усмешкой, будто перед ним сидела дочь-девятиклассница, а не жена. — Мне вон мать пыталась как-то объяснить всю эту систему. Я раньше-то думал, там души одни будут летать. На крылышках, — он грустно изобразил крылышки. — А нет. Говорит, что тела все тоже по частям соберутся. Зуб вон мой — неделю назад выдрали, — где он теперь, не знаю, в мусорке где-нибудь, наверно, — прилетит и в рот мне обратно вставится, как новенький. Как тебе? Кому ногу отрезали — нога тоже прилетит и приклеится, хоть она, может, сгнила сто лет назад. Заново составится. И кто там уже протух в могиле и совсем в скелет превратился — всё равно, значит, червяки всё выплюнут, что съели, и это всё на кости налипнет уже в нормальном виде. Я, по крайней мере, так её понял. И мы будем такие же люди по раю ходить, только бессмертные, понимаешь? И ни болеть никто не будет, ничего.

Мама глядела почти взглядом подруги, тем самым глупым и невинным взглядом, но рассказчика это не парализовало, как сегодня во время застолья. Ему тоже нравилось беседовать, просто беседовать. Редко такое у них бывало. Про деньги он уже словно и забыл, хотя всё началось именно с них.

— Ну и вот, — продолжал он про рай. — Только скажи мне теперь: жрать нам надо будет что-нибудь, в раю, а? Надо. По-любому. А это что означает?

— Что работать надо тоже?

— Да нет, работать это фигня. Работать, допустим, и не надо, здесь наработались. Нет,

главное то, что мы тогда и гадить тоже будем. И загадим весь этот рай. Представляешь: рай, сады там, фрукты — а под деревьями наши кучи лежат. Это первое. А второе: ладно, я, допустим, святой, я никого обижать в этом раю не собираюсь. То, что я там со скуки повешусь, это другой вопрос. Допустим, не повешусь, допустим, там всё сделают, чтобы мне было интересно. Но если мне какой-нибудь мужик там нечаянно на ногу наступит — рай там, не рай, а мне же всё равно больно. Я матернусь сам с собой, потом ему что-нибудь в ответ, потом слово за слово... Да я ведь и сам могу ненароком кого-нибудь там задеть, чихнуть на кого-нибудь нечаянно. Святой я, не святой, а нечаянно-то могу. А тот обидится, нахамит. И всё по новой, брат на брата, понимаешь? Ведь что-нибудь такое там обязательно случится. Люди всё равно лбами рано или поздно сталкиваются. Даже в раю. Это ж закон физики. Так что — ты уж меня прости, у меня среднее образование, но оно — заметь! — техническое. Я технарь — и я в это во всё не поверю, пока мне не докажут, что я — я! — в раю — не буду гадить! И никто не будет. И что мне там никто на ногу не наступит! Вот докажи мне это.

Отец уже был совсем пьян. У мамы уже слипались глаза, но он был неутомим. Даже вспомнил её прежний вопрос, чтоб разбудить в ней интерес.

— Вот ты спросила — да? — что я помню хорошее. Ну, не то, чтоб хорошее. Но я тебе могу рассказать. Только ты не обижайся.

Теперь, наверное, не так уж ей это было и надо, но отец закурил и стал рассказывать.

— Помнишь, ты до смерти любила всякие эти, аттракционы? А мы только начали тогда встречаться. У тебя там куча проблем: отец на стороне, мама с ума сходит, в тюрьму, что ли, дядька твой какой-то попал. А ты молодая: что тебе? Ходи да катайся за копейки, и всё в порядке. Ты любила все эти аттракционы. Но это я не о том. В общем, пришли мы в этот парк. Ты хоть помнишь это?

— Несколько ведь раз ходили, не один. Смотря про какой раз говоришь.

— Ну ладно. А лошадку-то хоть помнишь?

— Что-то смутно.

— А я помню. Я эту лошадку на всю жизнь запомню.

— Да? Ты что-то мне раньше про неё не говорил.

— Конечно. И не скажу больше никогда. Даже попросишь — не скажу. Не дождёшься. Это я сейчас раскис, сижу, сопли пускаю. Так что лови момент, Валя. Такое может не повториться. Так чего я там начал?..

— Лошадку.

— А, ну вот. Лошадку. Больно ты чего-то захотела на эту лошадку. Там тележка такая, на двоих человек, и сидушки на ней жёлтые, пластмассовые, как в зале ожидания. А погода чего-то помню — не солнышко, а так, серый какой-то денёк. Я ещё ведь и не знал, будет у нас что-нибудь с тобой дальше, не будет. Так, встречались. В свободное от работы время. Ну и, в общем, подошли мы к этому, к кучеру. Да там не кучер, а дед какой-то, весь в шелухе. То ли обоженный, то ли просто шелудивый какой-то, я не знаю. Сидит. А я вижу, что там кто садится — этот дед кружок по такой вот площадке проезжает — ну, метров пятьдесят, может. Ну, сто от силы. И возвращается: всё, приехали. Слазьте. Какое тут, думаю, удовольствие? Убожество, шапито для нищих. Ладно там, если через весь парк. У ларька если у пивного махнуть рукой: тпрру, извозчик, останови карету, покури, за простой заплачу. Я ж и мог заплатить, деньги были. А он нет: кружок — и всё. Я подхожу, говорю... Ты что, Валь, точно это всё не помнишь?

— Не помню.

— Я говорю: давай, отец, я тебе на бутылку дам, а ты нас прокатишь нормально, по всему парку. Нет, говорит. Не положено. Только вот этот жалкий кружок. Так это ж смешно, говорю, дед! Нет — и всё. Сидит в своей кепке, весь облезлый, в глаза даже не смотрит. Ну, говорю, тогда ищи других дураков, и забесплатно не сядем в твою колымагу. А ты всё говоришь: ну Толик, ну Толик, ну давай прокатимся. Я тут с тобой заспорил. Я помню, мне аж противно стало, стыдно как-то перед остальными людьми, что вот я нормальный мужик, — я ж в нормальном седле даже катался, с отцом ездили на Кавказ когда, — а сейчас, думаю, сяду, как мудака какой-нибудь, в эту тележку, пятьдесят шагов проеду по кругу и слезу через полминуты. И все будут на это убожество смотреть и смеяться, как я тогда сажусь, проезжаю и вылажу оттуда. А ты говоришь: ладно, тогда заплати за меня, я поеду одна. Пожалуйста. Даю ему его копейки. Ты сядишься. И смотришь на меня, прям как эта... как её? на конфетах — «Портрет незнакомки». Ладно, говорю, хрен с вами с обоими. Плюнул и тоже сел. Оглядываюсь только, чтоб никто не глазел, стыдно ведь. Поехали, дед! Ну, и мы поехали. Сидим, ты меня, значит, за руку сразу взяла. Я сначала даже выдернуть хотел, а потом вдруг... вот что-то, я не знаю... дед этот сутулый вперёди, лошадка такая, вя-а-лая, тощая, лопатки торчат, как у дохлой собаки. И уже мы идём на изгиб, финиш-то уже видно, вот он. И ты мне руку сжимаешь, как будто прямо это для тебя

самый главный момент в жизни. И я сижу, чувствую: сейчас вот слёзы из меня польются.

— От чего хоть, Толь?

Он и сейчас уже чуть не плакал.

— Не знаю. Как будто понял... понял — другого-то нам по жизни и не дано. Вот такой вот кружок только, понимаешь, на задрипанной лошадке. Понимаешь, один короткий кружок!..

Голос у отца совсем задрожал. Казалось, он говорил то, о чём давно мечтал сказать, просто прятал от себя эту мечту. Он продолжал:

— Вокруг, пока катишься, ничего такого не видно. Ни гор тебе, ни рек, ни полей. Какие уж тут поля... Так, городской парк, люди туда-сюда, кто-то на очереди уже ждёт, такой же, как ты, несчастный. Глаз ни на что положить не успел, даже не почувствовал дороги-то никакой, а финиш уже вот он, понимаешь, и ты мне в руку вцепилась. И чем ближе подъезжаем, ты сильнее держишь, как будто цепляешься за что-то, за счастье за своё как будто. И я думаю: «Ах ведь я сволочь, я ведь хотел её предать...» Предать! Прямо так себе говорил — предать! «Хотел предать, чтоб она одна, несчастная, сидела тут, мотала этот кружок, а я бы стоял смотрел». Жалко так тебя стало. Не поверишь, до боли в сердце. В общем, Валя, это для меня был рубеж.

— Рубеж чего?

— Рубеж того, что я решил на тебе жениться.

— Из-за лошадки?

— Да, из-за этой лошадки. Может, тебе это и не понравится. Я сразу сказал, что хорошее или нет — это тебе судить. Но после этого — именно после этого — я решил, что на тебе женюсь.

— Толь, а ты меня хоть любил? Или только из-за этой лошадки пожалел?

— Теперь-то какая разница. Уже вон сколько лет прошло.

— А мне есть разница.

— Не знаю я, Валя, что такое там любовь, не любовь. Понял, что должен жениться, и всё.

Мама ничего не сказала на это. Она сонно те-ребила пачку отцовских сигарет.

— Ну, скажи хоть, о чём думаешь, — спросил отец. — А то я сижу, как на иголках. Я уж жалею, что всё это тебе тут наговорил.

— Я думаю, что не надо тебе кофе пить. Ничего ты от него всё равно не добьёшься. Иди и ложись.

— Да ты сама иди ложись. Я ещё посижу, что-то меня расшевелило. Иди, не бойся, ничего я с ним не сделаю.

Мама встала из-за стола и, шатнувшись пару раз, ушла в большую комнату, стелиться.

Отец ещё закурил. Вскоре он уже находился в совершенной тишине, даже машины почти пе-

рестали шуметь. Только звенело на кухне электричество, освещая всё тяжёлым, утлым светом, да иногда урчал холодильник. Отец наливал рюмку за рюмкой, выпивая через промежутки в минуту. Сегодня он уже переступил черту, после которой любой невыпитый алкоголь, находившийся в доме, не давал ему покоя. Надо было допить бутылку. Он допил её, съел пару зубков маринованного чеснока. Потом достал из холодильника литровую баклажку пива, предназначенную для утра. Стал часто отхлёбывать из неё при открытом холодильнике и каждый раз после глотка встряхивал, подносил к глазам, чтоб видеть, сколько осталось. Сберёг на утро грамм триста, выкурил полсигареты и, шатаясь, пошёл в ванну. Наполнил её тёплой водой, лёг и не заметил, как уснул.

Беседка

В БЕСЕДКУ во дворе набилось человек десять. Кто-то своей спиной сломал сетку из тонкой рейки. Посмеялись этому. Из под крыши беседки, как пар из-под крышки кастрюли, поднимался сигаретный дым и клубился в свете фонаря.

— Ёпт, Илюха, молодчик, восемнадцать, — поздравил Дэн и сильно хлопнул Илью по плечу. — Ты чё сам-то не пьёшь? Я на восемнадцать лет вообще вдрибадан. Меня, короче, трое тащили, а я ещё их месил. Утром просыпаюсь — иббать! — синяки откуда-то, губа в мясо. Потом, короче, сказали, это я у ментов сигаретку пошёл стрельнуть. Прямо в отделение, прикинь, сигаретку пошёл стрельнуть? Вообще никакой был.

Разлили водку.

— Ну чё, мошь, кто-нибудь тост скажет? — кто-то пошутил.

— Тост! — все посмеялись. — Может, ещё речь толкнуть?

— Ты дурак? Тост это и есть речь.

— Во, короче, изрёк! Тост это есть речь! А речь это что? Речь это тост?

Кто-то пошутил:

— С точки зрения банальной эрудиции...

Настроение было хорошее. Выпили просто так, без тоста. В беседке имелся столик. Илья купил неплохую закуску: пару салатов, трёхлитровую банку солёных огурцов и помидоров, селёдку. Купил даже пластиковую посуду. Короче, всё было цивильно, что не могло не радовать ребят.

Через полчаса друзья уже были навеселе. Кто-то включил музыку на мобильном телефоне. Стали обсуждать, сколько в таком телефоне

памяти, сколько песен на него можно записать. Потом стали фотографировать на телефон, чтобы проверить качество фото. Потом кто-то показал скачанную из интернета фотографию — татуировку на чьём-то бицепсе. Кто-то показал свою, реальную татуировку, заголив плечо. Все сошлись на том, что по сравнению с бицепсом на телефоне это фигня. Дэн ни в чём не участвовал. Сидел, как тогда у деда, окосевший, со сдвинутой на затылок шапкой, и о чём-то думал. Лишь распорядился, чтоб наливали. Дэн отвлёкся, только когда кто-то поставил на телефоне порноролик. Он подошёл к общему скоплению, вытолкав себе удобное место для просмотра.

Чтобы немного скрыть своё пристальное внимание, ребята перебрасывались шутками:

— Мля, вот у бабы работёнка...

— Ага, ей знаешь сколько зато платят?

— А ты чё, знаешь, что ли?

— Да она за одну съёмку столько получает, сколько ты за пять лет не заработаешь.

— Да ну, мля, если б я бабой был, я бы на такое всё равно не пошёл ни за какие деньги. Ну его на х...

— А мужиком таким, как этот, пошёл бы работать?

— Прикинь, целый день с бабами, и тебе ещё бабло платят!

— Да я б там бесплатно бы работал, ёпт.

Все подтвердили последние слова смехом.

— А чё? Ну, на жратву только чтоб давали. А так зачем ещё бабло? Баб и так куча. Даже бухать не надо.

— Опа, опа, смотри, с мужика аж пот полился.

— Каэш, полился... — согласился хозяин телефона.

— Это с тебя, Кирюх, ничего, небось, не льётся.

— Ага, не успеваешь политься! — добавил кто-то.

— Штас кто-то с ноги...

— Э! Хар-рош! Дурак, что ли? Чё я такого сказал-то?

— Мля, заткнитесь.

— Во тёлка стонет.

— Посмотрел бы, как ты стонал на её месте...

Илья один не смотрел на ролик.

— Ладно, народ, кончай детский сад, — сказал он всем. — Питть пришли или на телефон драть?

— Дай я мобильник погляжу. — Дэн взял телефон с порнороликом и уселся с ним обратно на скамью беседки. Стал нажимать. — Там ещё чё-нить есть прикольное?

— Ты полистай, короче, на нижнюю кнопку там.

Прошло около часа. Дэн вернул телефон, зевнул, размял спину. Вскоре негромко позвал Илью.

— Пойдём отольём? Сказать тебе чего-то надо.

Они отошли шагов на пять от беседки, стали поливать песок.

— Денег тебе нормально подарили? — спросил Дэн, заправляясь. Илья не отвечал.

— Лан, можешь не отвечать, ты врать всё равно не умеешь. Я ж вижу, какой ты закусон принёс. Ну, штук пять, короче, есть с собой?

— Ну есть, и чё?

— Чё, батя раскошелился?

Илья подумал.

— Бабка там ещё подбросила.

— О-го! Нихера себе у тебя бабка. Короче, у меня есть телефон. Сейчас позвоним, пару девочек возьмём и можно с ними, короче, к Володе-сторожу в детский сад. Там каждая — две тыщи. Но зато это на всю ночь. Я тебе говорю — они вообще всё сделают. Такие тёлочки — бля буду. Хочешь — по кругу их пустим с пацанами, хочешь — шас уйдём вдвоём, скажешь, типа надо по делам. Володе только бутылку поставить нужно. Гандоны у меня вон, — Дэн хлопнул себя по куртке, — всегда с собой. Десять штук, хоть об...ись.

— Не, Дэн. Мне для другого деньги нужны.

— Хорош, для другого. Тебе повестка завтра придёт. Куда тебе для другого? Ты нормально с друзьями погуляй, нах тебе для другого?!

— Надо.

— Да какой надо? Ты чего вообще? — Дэн попробовал легонько толкнуть Илью в грудь, но понял, что собеседника этим не испугать. Дэн решил зайти с другой стороны.

— Илюх, ты мне скажи, у тебя баба вообще была?

Илья снова задумался.

— Ну была, и что?

— Хорош гнать. Я тебе говорю, ты врать не умеешь. Не было у тебя бабы. И ещё два года не будет, пока в армейке отслужишь. А так хоть будет, о чём вспомнить. В отбой там ляжешь, вспомнишь, фуё-моё, как погуляли нормально с пацанами. Это тебе шас кажется, что фигня. А там знаешь, как это помогает? Чисто даже вспомнить.

Илья молчал. Видимо, Дэн посчитал, что он постепенно сдаётся, поэтому продолжал свои доводы:

— Я тебе говорю, мы такой трах на мои проводы устроили — там трусеся с резинками по

всему подъезду наутро валялись. Уборщица совками выгребала полдня, матом ругалась. Вот это я понимаю — восемнадцать! Я ж о тебе тоже забочусь, я ж знаю, что это такое. Мля, расскажешь там кому-нибудь: «Короче, парни, всё красиво было, взяли двух таких тёлочек и их, короче, красиво...» — Дэн показал передом движение.

— Не. Не могу, Дэн. Вообще никак, — Илья развернулся к беседке.

— Ты чё, для друзей, что ли, зажимаешь, ёпт? — Дэн сказал вслед. Но Илья не обернулся.

В беседке спорили уже о другом видеоролике, который в последнее время ходил по многим телефонам. Ролик был снят в морге на чей-то мобильник. Здоровые мужики в халатах раздвигали огромными ножами тела людей. Спорили о том, зачем нужна такая жестокая разделка и все ли покойники проходят через это. Небольшой парнишка, который сильнее всех замёрз и всё перетаптывался с ноги на ногу, шмыгал носом и объяснял себе в поднятый воротник:

— Да там, небось, просто бомжей на опыты расчлняют. Вон, у меня сеструха в медучилище. Там у них и сердце, и печень, и кишки в банках. Член даже есть, законсервированный, ёпт. А откуда всё берётся? Что, думаешь, у нормального человека возьмут? Подбирают бомжей всяких на свалках и берут.

— Да кто тебя из родных будет проверять, отрезали тебе член или нет, когда ты уже в гробу одетый лежишь, в тапках? Бомж ты, не бомж — отрежут, и никто не заметит.

— Ну, тебе, мошь, и отрежут.

— Ага. Тебе.

— Да пошёл ты.

— Сам иди, ёпт. Я тебе говорю, там такие работают отморозки. У них в голове вообще тишина. Не, ну прикинь — трупки видеть каждый день. А платят, думаешь, дохера за это? Ага, дохера. Вообще копьё. И чё он, думаешь, будет тебя облизывать? Ага, хрен. Вспорот тебя, кишки все в ведро покидает — и всё. Следующий кричи заведующий, ёпт.

— А прикинь, если это вообще не морг? — предположил кто-то ещё. — Мошь, это извращенцы какие-нибудь себе подпольную фабрику сделали. Там, кожу снимают с людей, а потом, короче, кошельки и всякую другую поепту из неё делают.

— Ну ты, короче, гонщик.

— Мля, ребят, а вам не пох, чё там с вами сделают? — сказал ещё один. — Мне, честно говоря, вообще посрать. Это ж не живого там режут. Ты уже всё, ты уже тело, тебя уже во-

обще нет. Просто нет. И этого ублюдка с ножом также потом расчлняют. Чё вы тему-то завели?

— Ну заведи другую, ёпт. Чё ты? Давай. С точки зрения банальной эрудиции...

Тут мёрзнувший парнишка задал вопрос хозяину мобильника:

— А зафиг ты такую муть себе накачал?

— А чё? Прикольно. Мясо, фильм ужасов.

— По ходу ты болен, короче.

— Слышь, мелкий. Так и скажи, что завидно, что у кого-то нормальный мобильник. Сам ходишь с моторолой допотопной, она аж в руку не умещается. Как кирпич. Вон аж под курткой выпирает, бугор видно.

Парнишка примолк.

Дэн уже давно сидел среди ребят, но не поддерживал их разговор. Илья стал пожимать всем руки. Никто не удерживал, водки и пива он оставил много. Дэн тоже нехотя пожал ему руку. Илья вышел из беседки.

— Иди, иди, ёпт. Чушок!

На это слово Илья не отреагировал.

— Импотент!

Тут уже он развернулся, быстро подошёл к беседке, просунул руки в сетку из рейки и, сломав рейку, выкинул Дэна на песок. Не стал бить лежащего, подождал, когда встанет. Тогда завязалась недолгая драка, в которой Дэну сильно досталось. Илья только один раз пропустил в скулу, и то когда растаскивали. Потом он спокойно отряхнул джинсы, одёрнул короткую куртку и пошёл своей дорогой. Все видели его крепкий, в меру кривоногий силуэт при свете фонаря на блестящем асфальте. Походка была уверенная, ровная, можно было подумать, что он не идёт вперёд, а возвращается или шагает на месте. Не было сомнений, что Илья уже не думал о Дэне, да и об остальных друзьях. Он ловко перепрыгнул через лужу, потом зажал ноздри и высморкался в сторону, остановился поглядеть на свету, не забрызганы ли джинсы Дэновой кровью, и продолжил путь в свою сторону.

Последнее свиданье

ИЛЬЯ КАК чувствовал. Поднялся лифтом не на седьмой, а на восьмой этаж. И точно — внизу голоса. Погромел ключами на всякий случай и стал прислушиваться. Узнал: это говорят Оксана с Михой. Миха нахально напирает, шуршит её халатом, а она неохотно отстраняет его. Дышит так часто: «Миша... Миша... ну дурак... Миша... ну папа щас выйдет...»

Илья спокойно стал спускаться. Оксана увидела его первой, испугалась, но нашла в себе силы нагло улыбнуться ему прямо в глаза. Она даже не стала отстранять от себя Миху, который прижимал её к стене и целовал грудь. Илья остановился над ними, у стены напротив. Тогда и Миху понял, что кто-то стоит позади, и обернулся. Он довольно быстро скрыл растерянность.

— О, чувак, здорово. Ты чего так крадёшься тихо?

Темноволосый парень, пониже и поуже в плечах, чем Илья. У него был большой прямой нос, чёрные брови и наглые глаза. Оксана с достоинством запахнула короткий далматинный халатик. Миху взял её одной рукой за талию, и бросил на Илью шуточный, незлобный взгляд, словно они теперь вдвоём просят у Ильи о чём-то вроде родительского благословения.

— Ну, извини, мужик, так получилось. Поздно ты сегодня пришёл. Я уже тут.

Оксана отстранилась от Михи.

— Что я тебе, вещь какая-нибудь? Щас вообще домой уйду, делайте тут сами, блин, что хотите.

Илья спокойно смотрел на них.

— Я ж тебе уже всё сказал тогда, — спокойно напомнил он Михе.

— Всё, короче я пошла отсюда, — Оксана хотела уйти или только сделала вид, что хотела, но Миху удержал её за руку, испытующе глядя Илье в глаза.

— Ты чего, разобраться со мной хочешь? Ну, попробуй. А потом тебя будут по частям собирать, — внезапно в нём начала расти храбрость. — Чего тебе надо, ты от неё не получишь, понял? Ты уже не смог — всё, понял? Что, удивлён? Да, она сама мне рассказала. Иди, купи себе проститутку, потренируйся на ней, и всё у тебя будет хорошо. А с Оксанкой ты пролетел, она не б...ь.

Эти слова понравились Оксане, она скрестила руки и сверкнула на Илью самодовольными глазами. Илья сдержал гнев, наверное, потому что чувствовал, что ситуация целиком в его власти. Он спустился с лестницы на площадку, но всё ещё был выше их: они стояли посередине лестницы.

— Я считаю до трёх, — сказал Илья.

— Опа-на. И что же меня ждёт?

— Раз.

— Ну и что «раз»? Чего...

— Два.

— Да чего «два»? Чего «два»-то?

— Три.

Илья молниеносно двинул ему ногой под дых. Миху полетел с лестницы. Оксана вжалась в стену, но почему-то не побежала домой. Илья стал спускаться, чтоб добавить Михе. Но Миху уже быстро бежал вниз.

— Тебе п...ц! — крикнул он этажа с пятого.

Илья и Оксана остались вдвоём.

— Чего он тут потерял? — приступил к ней Илья.

— Нет, а тебе-то что? Ты кто такой-то вообще? Ты муж мой, жених мой? Да ты даже не мой парень! Чего ты стал с ним драться? Мне, думаешь, приятно, когда из-за меня дерутся.

Ей явно хотелось, чтобы случившееся из-за неё называлось именно словом «драться». Но Илья неуклюже разуверил её.

— Какой драться? Спустил его и всё. Нахер ты его сама-то не прогнала?

— Не твоё дело! — огрызнулась Оксана бешено и словно постарела в эту секунду лет на десять. Даже сосуды неприятно взбугрились у неё на вытянутой шее. Но потом она опять стала прежней Оксаной.

— Ладно. Я чего пришёл. — Он подумал, как начать. — Ты там, короче, говорила, что когда я денег достану, тогда и поговорим.

— Ну и?.. — посмотрела Оксана с презрением. — Сколько ты там достал?

Илья спокойно вынул из кармана джинсов стопку тысячных и пятитысячных. Презрительные глаза Оксаны заledenели, но только на одну секунду.

— Ну? И что я теперь должна сделать? Ножки расставить?

— Ты ничего не должна. Просто. Вот деньги.

— Ну что «просто»? Зачем? Просто так, что ли, даёшь? Даришь? — последние слова были сказаны на всякий случай, с маленькой шуточной надеждой.

— Будешь меня ждать? — сурово спросил Илья. Глядел из-под лба, как бык, прямо в глаза, и громко сопел носом. — Только гляди, если соврётся. Убью тебя. Лучше говори честно, да, нет. Ну? Будешь два года ждать? Вернусь — поженимся, отвечаю.

Он медленно, не сводя с неё глаз, положил деньги обратно в карман.

— Я думала, тебе только для этого надо. Ну, чтоб...

— И это тоже, — Илья дышал носом всё громче. — Давай прямо сейчас. Чтоб у нас уже было, когда я вернусь.

Она глядела растерянно, не отвечала.

— И деньги будут твои, — веско напомнил Илья. — Я тебе не вру.

Оксана вдруг заговорила виновато, взяв его за воротник куртки и прислонив свой живот к его животу:

— Илья, я... честно, я не знаю, смогу я столько ждать или нет? Это так долго, целых два года...

Теперь она прижалась к нему всем телом, положила голову ему на грудь:

— И вообще, у нас с тобой ведь этого ещё не было, я даже не знаю: вдруг у тебя что-нибудь не так.

— Я говорю, давай прям щас. Увидишь, всё так.

— А вдруг у тебя не получится? Ну, или... мне не понравится? — она подняла глаза и посмотрела на его подбородок.

— Ну, тогда я уйду. И больше ты меня не увидишь.

Оксана подождала немного, потом спросила в тишине:

— А деньги?

— Успокойся. Деньги всё равно себе заберёшь.

— Точно? — уже ничем не прикрываясь, исследовала его Оксана. Было ясно: Илья говорил правду. — Хм... — стала она целовать его, глядя спину под свитером. — Отдашь, даже если не получится?

— Отвечаю, — сопел он ещё громче. — Давай быстреей.

После этих слов тишина в подъезде стала окончательной и жуткой, как в операционной. Оксана взяла Илью за руку и свела вниз, в закуток между этажами, где тянется мусоропровод. Там было почти совсем темно. Зашуршал халат, расстёгивался ремень. И зелёное электричество гудело по-больничному.

— Тише... — звучал шёпот Оксаны, — не порви халат... Илья... Илья, сначала деньги, я так не могу.

— Куда ты их положишь, в трусы? Я тебе отдам, я точно говорю. Я ж тебя люблю.

— Нет, Илюша... Илюша, стой. Надо сейчас...

— Да вот, вот, на тебе.

В шорохе прошла минута. Даже электричество затихло.

— Не получается, — констатировала Оксана.

— Всё получится, подожди, просто я волнуюсь.

— Нет, не в этом дело. Должно всё сразу. Ты не расстраивайся, конечно, но извини, так у нас ничего не выйдёт.

— Эй, куда ты собралась?.. — Илья перешёл с шепота на полный голос.

— Руки свои уברי от меня!

Илья плакал.

— Тебе что, это главное, что ли?!.. Ты что, лошадь, что ли? Стой ты! Я ж тебе деньги принёс!.. Блин, ну пожалуйста, Оксаночка, стой!

Оксана остановилась, пряча бумажки под халатом.

— Будешь меня ждать?.. — умолял Илья, скорчившись, как ребёнок.

— Не буду, — раздалось в тишине, и снова её шаги, следом топот Ильи.

— Убери свои руки, сейчас отца крикну! — сквозь стиснутые зубы прорычала Оксана и ринулась к квартире.

— Да стой! Я ж тебе заплатил!..

Скомканно зашумели подошвы и одежды от короткой борьбы. Удары кулачков по кожным нителю.

— Да подавись ты этими деньгами, шалава ты!.. — простонал Илья и раздался звук удара.

Он побежал вниз по ступеням. В лестничный пролёт спорхнула тысячная купюра. Подождав несколько секунд, Оксана завизжала на всю мочь, как будто только сейчас почувствовала боль.

На улице Илью встретил сокрушительный удар в череп. Миха успел привести друзей. Илью свалили на землю и стали бить в темноте по чему попало. Ребят было человек восемь, среди них Дэн. У Дэна была бита. Выбежал на улицу Оксанин отец, в руках топор. Отец коротко объяснился с ребятами, всё выяснил и попросил предоставить ему возможность также несколько раз ударить Илью. Ребята вежливо расступились. Илья лежал, собравшись, как зародыш, и корчился от боли в паху и в голове. Отец положил топор на землю, артистично прошёлся туда-сюда и даже несколько секунд стоял к лежащему спиной, проявляя тем самым высшее неуважение к Илье, сознавая свою полную власть над ним. Он мужественно отставил локти от боков, будто это мышцы мешали ему держать руки вдоль тела, хотя особенных мышц у него не было. Не торопясь сплюнул. Ребята ждали. Выглядело всё так, будто это сам Оксанин папа привёл Илью в такую негодность к борьбе. Будто ребята лишь создали круг для драки этих двоих людей. Вдруг отец смешно разогнался и пнул Илью в голову. Посмотрел на врага. Илья мало изменился: как лежал, так и лежал. Отец опять повернулся спиной к беззащитному противнику и сурово прошёлся назад. Подвигал шеей, шея хрустнула. Потом развернулся, снова смешно побежал на Илью и пнул его в живот. «Ын...» — единственный звук, что мог издать Илья. Ребят, если честно, уже стала немного утомлять эта клоунада, но они вежливо ждали. На избивание смотрела и Оксана, стояв-

шая в дверях подъезда в своём далматиновом пятнистом халатике и накинута на него шубке. Она прижимала ватку к треснувшей губе, и даже следа от слёз не было на её лице. Отец, отведя душу, приказал ей идти домой и сам пошёл следом, ничего не сказав ребятам. Папа и дочка исчезли в подъезде, и ребята ещё повалили Илью.

Напоследок Миха и Дэн встали около него, и Илья почувствовал, как тёплое заливается ему в ухо и стекает по шее, а потом он потерял сознание.

Очнулся он через несколько минут. Вокруг не было никого. Встал кое-как, отряхнулся и, прихрамывая, пошёл. Понял, что идёт не туда, похромал обратно. Стал трогать лицо и после каждого прикосновения разглядывать в темноте свои пальцы. Каждое прикосновение показывало кровь. Илья мало что понимал сейчас. Осторожно, чтоб не напороться на милицию, он вышел из темноты к проезжей части, там в одной палатке продавали из-под полы сорокоградусные напитки после полуночи. В заднем кармане у него оставалась пятачок от дяди Бори. На эти деньги он купил ноль-семь литра, снова нырнул во дворы и пошёл дворами к дому.

Остатки снега бледно светились в тёмных дворах. Илья хватал твёрдый и острый снег и протирал им голову, шею. Вставил горлышко в угол рта, чтоб выкусить дозатор, но с этой стороны было больно, он выкусил другой стороной, остановился и, запрокинувшись, сразу выпил много. А потом шёл, поплёскивал себе водку в ладонь и протирался от запаха мочи. Когда он допил бутылку и покурил, его стало шатать. В далёкой темноте засверкал уголёк сигареты. Уголёк болтался из стороны в сторону, так что сразу было понятно: навстречу тоже идёт пьяный. Вскоре Илья и пьяный на секунду поравнялись, и человек поволок дальше свою неясную растрёпанную душу. Почему-то Илья решил посмотреть ему вслед. Уголёк ещё помельтешил во мраке, как линия кардиограммы, и Илья забыл про пьяного и побрёл дальше.

Тучи сгустились

ИЛЬЯ ВОШЁЛ в квартиру, с шумом споткнувшись о порог. Это разбудило отца, заснувшего в ванной. Отец вышел в трусах и, прищурившись, разглядел сына в слабом свете, что доносился из кухни. Илья безуспешно стаскивал с себя кроссовки, теряя равновесие. Отец подошёл к сыну, взял сзади за шею и заглянул в лицо. Сына было трудно узнать — очки синяков вокруг глаз,

измятый и опухший нос с рубцом на переносице. Одна половина лица в полтора шире другой. Глаза Ильи, как две мокрые трещины, страшно глядели куда-то в грудь отцу. Отец не знал, что тут сказать. Наконец, кашлянул и тихо произнёс:

— В общем, деньги, — он кивнул на кухню, где находилась опустошённая коробка, — я тебе прощаю. Ты слышишь меня? Всё, не было денег. Иди, спи спокойно. Умойся только. Завтра обо всём поговорим.

Отец выключил на кухне свет и ушёл к маме. Он долго не мог заснуть, и ему понадобилось прижаться к маминой спине, чтоб на душе стало спокойнее. От его неожиданного прикосновения мама открыла глаза, пару раз моргнула в темноте, но не стала ничего говорить. Вскоре оба они уснули.

Постояв под душем и смыв с себя кровь, Илья пришёл в свою комнату. Он не стал зажигать большой свет. Зажёг только подвесную лампу над кроватью и лёг. Отец лет десять назад приделал эту лампу к стене, чтобы сын мог повторять на ночь уроки. Теперь он лежал, закинув одну руку за голову, и глаза глядели с его изуродованного лица в одну точку на двери, глядели без ненависти, без обиды — без всего. Так, наверное, смотрит лесной зверь на дуло ружья. С таким взглядом Илья привык делать и переживать многое в своей жизни — и хорошее, и плохое.

Через полчаса он услышал, как медленно поворачивается ключ в замке входной двери. По звуку дыхания узнал сестру. Настя бесшумно разулась, прошаркала в ванную. После ванной сходила на кухню, выбросила что-то в мусорное ведро. Затем она постояла с минуту у комнаты Ильи, тихонько постучала и заглянула.

Настя увидела избитого брата. А брат увидел её уродливо остриженную голову. Глаза Насти, уменьшенные линзами очков, были заплаканы, и всё лицо распухло от слёз. На щеке розовели две параллельные царапины, не очень глубокие, даже без крови, два розовых следа. Она несмело зашла в комнату и закрыла за собой дверь.

— Илья, это кто тебя так? — тихо заговорила она, садясь у брата в ногах.

— Тебе не всё равно? — спокойно ответил Илья. — Тебе эти имена что-то скажут как будто.

Когда Илья начинал говорить, что-то тут же начинало параллельно бурлить и клокотать у него в носу. Это пугало Настю. Наверное, она ждала, что и брат спросит её об отрезанных во-

лосах и царапинах. Но Илья не спрашивал ни о чём. Он отковырял от переносицы свежий тромб, и рана сразу закровилась.

— Не ковыряй, Илья, не надо, а то так и будет кровить, — сказала Настя.

Илья взял с тумбочки дезодорант, попрыскал в ладонь и помочил переносицу.

— Этим-то не надо. Там даже написано, что на лицо нельзя, — забота об Илье ненадолго отвлекла Настю от её беды. Она даже опять похорошела.

— Иди спать, — сказал Илья.

— Но я тебе хотела что-то сказать...

— Без тебя проблем хватает, не видишь, что ли?

— Вижу.

Настя сразу беззвучно заплакала, встала и пошла к двери.

— Ладно, погоди. Иди сюда.

Она послушно вернулась, слёз как не бывало. Она словно берегла их, зная, что сейчас их прольётся ещё немало.

— Ну, говори, — сказал Илья голосом, исковерканным бурлением в носу.

Губы Насти задрожали перед тем, как выговорить то, что она уже несколько часов мечтала выговорить брату:

— Он использовал меня...

— Как использовал? — в глазах Ильи сверкнула жизнь, он даже стал похож на себя, несмотря на побои. — Изнасиловал, что ли?

— Нет. Я сама ему отдалась.

— Нафиг?

— Не знаю. Он обещал, что поедет вместе со мной во Францию.

— Ну и чего, сразу отдаться, что ли, надо, если во Францию?

— Он этого добивался, говорил, нам это нужно, чтобы доверять друг другу.

— Так это тот? Мелкий? Это он, что ли?

Одно мгновение — и Илья уже сидел на кровати, пристально глядя Насте в глаза.

— Да, это он.

— И он — тебя — использовал?!

— Да, — Настя согласна была заново пережить унижение, лишь бы остаться с братом.

— Кругом одни уроды, — тихо сказал Илья сам себе. Он собрал простыню и высморкал в неё чёрную лужу.

— И как это было?

— Что, прямо рассказывать, где и как? — робко спросила Настя.

— Да, рассказывай, — резко сказал Илья.

Настя рассказала ему про подъезд, про то, как Антон добивался её, как получил своё. Илья попутно задавал вопросы: больно ли ей было,

сколько это всё длилось, наконец, что она чувствовала, и понравилось ли ей.

— Илья, тебе обязательно всё это знать? — без обиды спросила Настя.

— Я говорю, рассказывай, — процедил он сквозь зубы.

— Нет, не очень понравилось.

— А чего так? — он не сводил с неё глаз.

— Ну, первое — то, что в подъезде. Как бомжи какие-то или собаки.

— Ну, а так, вообще?

— И вообще тоже.

— А почему?

— Мне изначально не хотелось до свадьбы. Ну, до Франции, по крайней мере. Я думала, вот если он поедет со мной, тогда да. Поэтому мне не очень понравилось.

— Не очень — значит, всё-таки немного понравилось?

— Ну, я же его тогда любила.

— Ну, а теперь чё? Всё — разлюбила?

— Он обманул меня... — Настя снова заплакала и упала Илье на колени.

— И как он тебя обманул?

Настя вздохнула, чтобы успокоиться.

— Он всё говорил после того раза, чтоб я к нему уже не ходила, потому что за ним охотятся бандиты. Но я сегодня пошла к нему, я даже взяла деньги — и пошла.

— Какие деньги?

— У мамы с папой на кухне, в железной коробке.

— Зачем деньги?

— Чтобы уехать во Францию. Он говорил, что сам достанет деньги, но я поняла что...

— Что это трёп, — помог Илья.

— ...Что у него это ещё не скоро всё получится. Я подумала: если я принёсу деньги, он должен будет поехать.

— Ну, а он?

— Я пришла, он на меня наорал: «Проваливай отсюда. Дура, тебя могут убить». Я ему сказала, что принёсла деньги. Он спросил, сколько. Я ему сказала.

— И сколько там было?

— Пятьдесят восемь тысяч. Он попросил, чтоб я показала ему эти деньги. Я показала. Он сказал, чтоб я оставила их ему. Что он заплатит каким-то московским мужикам, чтобы они выбили из его врагов другие деньги — там ещё больше, там десять тысяч долларов. Я сказала, что я не могу ждать, потому что родители увидят, что деньги пропали, поэтому надо ехать прямо сейчас. Он сказал: «А ты можешь на брата спихнуть и ещё немного пожить дома?» Я сказала ему, что не собираюсь врать. Что я

уже оставила в комнате записку, что это я взяла деньги.

— А он чего?

— А он начал говорить: «Ну вот, ты, значит, не на всё готова ради меня. А я думал, что мы теперь будем всегда вместе, будем доверять друг другу». Ну, и я отдала ему деньги. Он сказал, что через три дня всё должно уже быть готово, и мы тогда уедем. Только главное, чтоб я прямо сейчас бежала домой, чтоб ни перед кем не спалиться. Я сказала, что я хочу ещё с ним побыть, но он меня прямо запихнул в лифт. Сказал, что вот-вот нагрянут эти бандиты. И говорит: «Поклянись, что больше сегодня не придёшь». Я только потом поняла, почему он так спешил и клясться попросил.

— Почему?

— У него, кроме меня, была ещё другая девушка... — Настя закрыла лицо ладонями.

— Как ты это поняла?

— Я уже почти дошла до дома. И вдруг подумала: блин, если я не признаюсь, то Илье ведь жутко от отца влетит. И всё из-за меня. Сначала я хотела прийти и рассказать про всё маме и папе. Потом подумала: они же начнут разбираться, позвонят его родителям, и тогда у нас с ним точно ничего не выйдет. Короче, я решила забрать у него деньги. Решила, что я незаметно положу их обратно в коробку, а потом, когда он будет готов уехать, то тогда и сворую снова. Вот. И я пришла к нему в подъезд, и увидела, как он целуется с другой девушкой... Она меня ещё и за волосы оттаскала, эта скотина. — Настя сжала кулачки и бессильно ударила ими по воздуху, пригнувшись над своими коленями. Лицо её натянулось от страдания, стало жалким, старушечьим, ни на что не годным. — И поца-ра-пала... — протянула Настя, сдерживая рыдания.

— А он?

Хлюпающий голос брата возвращал ей самообладание.

— Затолкал меня в лифт: «Ты сама, — сказал, — виновата. Ты не сдержала обещание. Я же взял с тебя слово, что ты не придёшь. Всё, больше вообще не приходи». Он сам нажал кнопку, и я поехала вниз.

— А деньги?

— Я хотела вернуться, но испугалась. Там эта знаешь какая, она бы меня там убила, наверное.

Больше спрашивать было не о чем.

Настин рассказ отнял у Ильи много сил и терпения. Теперь он уронил тело на кровать, выдернул из-под Насти своё одеяло, укрылся, выключил лампу и отвернулся к стенке.

— Всё. Иди спать, — сказал он.

Настя помолчала в темноте.

— Что ты хочешь сделать, Илья?

— Я говорю, иди спать.

— Не надо его убивать, Илья. Я сама виновата. Скажи ему только, чтобы он вернул эти деньги. Или лучше ничего ему не говори. Я всё сама расскажу родителям. Это даже хорошо получится. Они сейчас, наверное, думают, что это ты. А окажется, что ты не виноват. Папа тебя знаешь как зауважает.

Илья молчал.

— Хорошо, Илья?

— Иди спать.

— Я не уйду, пока ты не скажешь.

— Хорошо.

Настя поцеловала брата в висок, погладила плечо и быстро ушла, оставив в комнате свой запах — запах молодой кожи и мыла. По фиолетовой щеке Ильи потекла слеза.

Уже пробивалось утро, когда он сел на кровати и осторожно, чтоб не задеть надорванное ухо, продел голову в горлышко новенькой белоснежной футболки. Футболка немного фосфоресцировала в темноте.

Уже нарастал привычный гул машин. Илье хотелось ещё раз увидеть Настю, но он не стал заходить к ней.

Непоправимое

ИЛЬЯ ВСТАЛ на углу дома тридцать пять. Под курткой у него была только майка, он иногда перетапывался и сутулил плечи от холода, но куртку не застёгивал. Курил быстро, пока выдыхал дым носом, уже затягивался следующим раз. Уборщица вышла из подъезда и пошла, гремя ведром, к другому подъезду. Потом вышла одетая в кожу женщина на тонких каблуках, с сильно выдающимися вперёд коленками, села в серебристый автомобиль и ловко выехала со двора, даже не прогрев мотор. Вышли ещё несколько людей. Илья стыдливо отворачивался от всех.

Потом вышел подросток в коротенькой блестящей куртке и красных кроссовках с белыми полосками. Вместо того чтоб куда-нибудь направиться, он подошёл к красному автомобилю и стал глядеть на своё отражение в тонированном стекле.

— Антон, — окликнул Илья.

Подросток вздрогнул, оглянулся, увидел Илью, бросил расчётливый взгляд на дверь подъезда и направился к ней, не слишком быстро, чтобы не уронить достоинство. Но Илья сразу пошёл на перерез. Тогда о достоинстве пришлось забыть, и Антон почти побежал, но Илья

успел схватить его за шиворот и, нагнув головой к земле и заломив руку, быстро повёл за угол.

— Молчать, — велел он тихо. Потом сам пригнулся, чтоб увидеть лицо мальчика. — Вот ты, значит, у нас какой?

— Сейчас папа выйдет... отпусти... тебе хуже будет... — сдавленно угрожал Антон.

Дойдя до торца дома, Илья швырнул своего врага на песок и пошёл к нему, чтобы пнуть. Но Антон успел незаметно набрать в кулаки песка, бросил противнику в лицо и ринулся к спасительному подъезду. Вслепую Илья выставил ногу для подножки, и это помогло — мальчик споткнулся и упал животом на песок. Перевернувшись, он стал набирать новые горсти и швыряться ими. Но Илья, как медведь, прошёл напролом сквозь песочную оборону и сел на Антона, чтобы начать его бить. Он ничего не видел из-за песка, только бил и бил. Однако мальчик довольно удачно сопротивлялся: как изворотливое насекомое лапками, он дергал руками и ногами, и даже укусил Илью за палец. Удары Илья едва достигали цели. Противник оказался неудобен как никогда, хоть и был мелкотой. Всё это, наконец, взбесило Илью, и он стал шарить вокруг себя, не поможет ли что-нибудь решить дело разом, ведь времени, он чувствовал, оставалось совсем мало. Вот уже от подъезда понёсся мужской крик, стало приближаться человеческое пятно, но как раз в эту секунду Илья нащупал мокрый кусок затвердевшего цемента, который сразу вложил в его руку, и несколько раз ударил мальчика этим куском, тут же проломив и утихомирив его отчаянную оборону. С каждым ударом Илья будто и сам всё дальше уходил от сознания. Перед глазами у него металось красное и серое, серое и красное, а внутри уже не было ничего — ни жалости, ни злобы, ни страха. Наконец, и его оглушил сильный удар. Такой удар можно было выдержать, но Илья покорился ему и упал на песок, ничего не сообщая. Может, он просто слишком устал от драк.

Руки за его спиной вскоре сцепились наручниками. Чья-то нога крепко прижала его голову к песку. Отец Антона быстро совершал звонки по мобильному телефону. Голос у него был довольно спокойный, мало что выдавало волнение.

Известия

НАСТЯ, НЕ ВЫГЛЯДЫВАЯ из-под одеяла, сказала маме, что сегодня пропустит школу, болит голова.

Отец принял холодный душ, но мама, оценив его состояние, посоветовала всё-таки позвонить начальнику и взять выходной за свой счёт. К тому же Илья куда-то пропал ни свет ни заря. Мама уже знала, что его вчера побили, и муж ей нужен был рядом для спокойствия.

В часы похмелья отец был мягок и доверчив. Он покорился маме, набрал номер начальника и без труда получил разрешение на выходной.

И всё же отца одолевала тревога.

— Что-то мне не очень понравилось, как мы с ним поговорили. Никогда я ничего не брал, и сейчас не надо было.

— Брось, не выдумывай. Поставь диск и ложись. Я сейчас в магазин пойду за порошком, пива тебе куплю.

Всё же отец не без удовольствия снял рубашку, надетую на работу, стянул носки, подошёл к уже одетой маме и обнял её:

— Чего это ты, Толик? Сначала ночью, теперь сейчас.

— Валя, ведь у нас всё хорошо? А то меня что-то потряхивает.

— Хорошо, хорошо, Толик. Потряхивает — это просто ты переусердствовал.

— Спасибо тебе, Валя. Возвращайся побыстрее. Илья вернётся — сядем вместе, пообедаем, я его ругать не буду.

— Вот это ты молодец. Всё, включай диск и ложись.

Мама ушла в магазин. Отец достал свой любимый DVD-диск, вставил его в дисковод проигрывателя и лёг. Это были фильмы о Великой Отечественной войне — его неизменное лекарство против похмельного состояния души. Отец пересматривал их, плакал и смеялся, и его чувства, вчера примятые алкоголем, постепенно выпрямлялись и возвращались к естеству.

На экране застыли старые добрые имена фильмов: «А зори здесь тихие», «Небесный тихоход», «Верность», «Альпийская баллада» и другие. Отец стал думать, какой из этих фильмов самый добрый, чтоб выбрать сегодня именно его, но в это время раздался телефонный звонок. Отец вздрогнул, застыл и так переждал несколько трелей. Потом он всё же вышел в коридор и снял трубку.

— Алло, Петрович?.. — говорил его брат.

— Да, Петрович, — отозвался отец, на этот раз без шутки в голосе.

— Беда у нас, Петрович, — сказал дядя Боря. — Илюха человека убил.

Едва ли не впервые в своей жизни дядя Боря выполнял роль вестника, человека, каждое слово которого имеет огромную важность для слу-

шателя. Он довольно обстоятельно рассказал брату о том, что произошло. Что в силу своей должности кинолога при милицейских собаках он даже немного знаком с подполковником, отцом убитого мальчика. По крайней мере, знает, что это за человек. Что теперь он, дядя Боря, наверное, должен будет уйти со своей работы, ведь если узнают, что Илья — его племянник, дяде Боре придётся несладко. Самого Илью он не видел, но успел пообщаться с теми, кто был на месте происшествия. Уточнил адрес, дату рождения убийцы. Увы, всё совпадало. Люди, с которыми он об этом разговаривал, согласились, что лучше ему поскорее сматывать удочки с его собачьей работы. Вообще, зная подполковника, да и в целом всю эту систему, многие сомневались, что Илья доживёт до суда. В сизо с ним могут сделать всё, что угодно, и потом не подкопаться: он ведь уже на момент убийства был весь побитый. И всё же лучше ничего не предпринимать. Скорее всего, завтра из милиции позвонят сами.

— Петрович, я понимаю, что ты можешь ко мне, как обычно, не прислушиваться. Но я тебе скажу: лучше ты не трогай это дело. Есть Валя, есть Настька, есть ты. Подумай. Опасно это трогать. Не такие у нас связи, Петрович, чтобы мы тут что-то могли сделать. Тут, я думаю, надо набраться терпения и смириться. Я вон уйду с работы — и сам слова никому не скажу. Да что тут моя работа. Я-то себе найду что-нибудь. А Илюха-то! У него и смягчающих обстоятельств никаких. Да он и сам отпираться не стал. Молодец, парень! Мужик. Сразу признал всё честно, как есть, мяться не стал. А ты понимаешь, Петрович — это, я думаю, он сам себе такую выбрал судьбу! Значит — чёрт его знает, может, Богу...

Отец положил трубку. Потом стал набирать номер. Из комнаты выглянула остриженная под корень Настя с торчащими тут и там клочками длинных волос.

— Что с тобой, — сказал ей отец без удивления, словно это был не вопрос.

Настя ничего не ответила, и он не стал спрашивать ещё раз. Он уже трижды пробовал набрать номер, но руки дрожали, и голова не слушалась. Он не мог расставить в уме пять цифр, которые хорошо помнил. Мать открыла дверь, увидела его со спины, и слёзы тут же брызнули у неё из глаз:

— Что?! — спросила она, подходя к нему прямо в обуви и не выпуская из рук пакетов.

Отец всё-таки сумел набрать номер и дозволился куда хотел — до бабушки.

— Мать! — задрожал он всем телом, говоря со своей мамой. — Мать, молись, мать. Молись

своему Богу! Как только можешь, молись! Сдохни, но молись за своего внука! Он человека убил.

В это время с экрана телевизора всё глядели названия военных фильмов, которые несколько минут назад отец собирался смотреть.

Последние надежды

ПРОШЁЛ час-полтора. На кухне сидели мама и дядя Боря. Дядя Боря снова исполнял роль вестника, мама должна была его пригласить, ведь отец ничего не смог ответить ей. Он закрылся и молчал в комнате Ильи. Дядя Боря опять напомнил, что к нему могут, как обычно, не прислушиваться, и всё же лучше ничего не предпринимать. Даже сам он уже смирился с тем, что придётся оставить работу кинолога. Сталкиваться с подполковником Степанковым — небезопасно, да ещё вдобавок, если правда целиком на его стороне.

Выслушав дядю Борю, мама безысходно заплакала. Волосы, которые вчера были завиты бигуди, по бокам уже распрямились, а на макушке торчали трагически-нелепым хохолком, и этот хохолок вздрагивал от её рыданий. Дядя Боря попытался прижать маму к себе, но она слабо махнула ладонью, помотала головой и ушла к Насте в комнату.

— Петрович! — крикнул дядя Боря брата.

Через минуту отец явился на кухню. Дядя Боря наливал принесённую за пазухой водку в две чайные кружки.

— Чего тебе? — спросил отец.

— Выпей, Петрович. Тебе сейчас надо. И я тоже выпью. Я ж всё то же чувствую, что и ты. Я же Илюшку — вот с таких лет... — он показал ладонью расстояние от пола. — На, Петрович, глотни. Горюй, но не убивайся. Тебе семью дальше тянуть. Может, так и надо было. Может, Бог этот — есть Он или нет, я не знаю — может, Он специально всё так расставил, чтобы у нас жизнь как-то поменялась. Кто знает, может, и я теперь работу хорошую найду вместо этой собачатни. Ты, может, что-нибудь это, тоже...

Вместо того чтобы дослушать Брата и выпить, отец вышел в подъезд. Дядя Боря проводил его взглядом, выпил один, помахал ладонью у рта, заглянул в холодильник и отыскал в нём солёный помидор.

Отцу открыл сам Митя. Из квартиры пахло ладаном и невкусной, подгорелой едой. Тут же послышался слабый голос Митиной мамы: «Кто это, сынок?»

— Это наш сосед, мама, Анатолий Петрович!

Митина мама с толстым шерстяным платком вокруг поясницы, прихрамывая, подошла к двери. Она, кажется, сразу поняла, что что-то стряслось. Отец перемялся с ноги на ногу и показал пальцем на Митю.

— Да вот мне как раз *он* нужен...

— Зачем? — удивлённо спросила женщина.

Митя перевёл на маму свой косоватый взгляд.

Отец начинал злиться.

— В общем, у нас там случилось кое-что.

И мы хотим это... — он постыдился выговорить слово «помолиться». — В общем, как там полагается: свечку поставить, почитать что-нибудь. А у нас никто ничего такого не знает. Или вы, может, знаете? Если знаете, тогда давайте вы, а его не надо.

— Нет, я не знаю. Да он-то, думаете, знает? Это он так...

Митя застыл, растопырив пальцы рук и шевеля пальцами ног. Мама уже потихоньку начала прикрывать дверь. Отец раздраженно повернул голову к окошку подъезда и снова взглянул на маму:

— Хорошо: пожалуйста, я прошу, пусть ваш Митя поднимется со мной. Мы ему даже заплатим.

Кажется, она поняла его отчаяние.

— Хорошо. Митя, сходи с дядей Толей. Будешь читать молитву, как в храме читаешь, понял?

Мама отошла в Митину комнату. Митя и отец застыли — один в коридоре, другой в подъезде, — стараясь не глядеть друг на друга.

— Вот, — вернулась мама. В руках у неё была потрёпанная книжка и начатая свечка. Она прочитала название книжки: — «Мо-лит-во-словъ». Молитвослов, насколько я понимаю. Но только вы особенно на него не рассчитывайте. Мальчик-то всё-таки не совсем здоровый, — добавила она тихо, но не смущаясь, что сын это слышит. — Сейчас, минутку...

Дверь закрылась. За ней начались короткие сборы. Отец слышал, как Митя говорит:

— Пойдём со мной, мама...

— Нет. Мне перед людьми неудобно. Меня же никто не звали. Помолись пять минут и возвращайся. Ты же хочешь быть, как батюшка в церкви? Вот видишь, тебя уже даже люди приглашают, как настоящего батюшку...

Митя, переодетый, вышел в подъезд и оглянулся на маму.

— Иди, иди, — уредила она и горько добавила, уже закрывая дверь: — Батюшка ты мой.

Два человека, скрипя на весь подъезд пылью ступеней, медленно и молчаливо поднялись на этаж вверх.

Когда они вошли в квартиру, им навстречу из Настинной комнаты вышла плачущая мама. Она совершенно не удивилась Мите. Она подняла полусогнутый палец, как сумасшедшая, которой до этого дня никто не верил.

— Деньги... деньги-то — не Илю-у-ша вы-тащил! Не брал он день-ги!.. Настя, Настя взяла-а!

Вцепившись в её халат, за ней тащила не-красивая, вспухшая Настя и тоже задыхалась от плача.

— Ма-ма! Мамочка! Прости меня... а... а...

Отец не стал ни в чём разбираться.

— Давайте все в комнату, — сказал он. — Сейчас будем молиться.

Отец сложил диван, выключил телевизор, все собрались в зале. Дядя Боря тоже. А отец вдруг принялся ходить туда-сюда по коридору, не понимая, что все теперь стоят и ждут его указаний. Когда он это понял, он встал в комнате позади всех и сказал Мите:

— Давай, Митя, учи нас, где что надо расставлять, что делать?

Митя промычал что-то непонятное и от волнения чуть не выронил книгу из рук. Пришлось догадываться без него. Нашли на кухне небольшую иконку на картоне, не Христа, а, кажется, Николу; воткнули в рюмку с рисом Митин огарок. Поставили всё на одну из полок шкафа. Митя дрожащими длинными пальцами беспомощно листал свою книгу.

— Давай, Митя, все готовы, — сказал отец. — Есть у тебя какие-нибудь молитвы, чтоб из тюрьмы человека вызволить? Прямо из тюрьмы чтобы...

Митя водил сложенными вместе пальцами по обложке старого молитвослова.

— Я не знаю... — и, тяжело дыша, повторил шёпотом, как заклинание: — Я не знаю.

Он смотрел в глаза отца при полной тишине.

— Поищи, — попросил отец нервно. — Ты же любишь молиться. Помнишь Илью, моего сына? Его посадили в тюрьму. И ему там очень-очень плохо, Митя. Помолись за него, и мы помолимся. Митя, ты же веришь, что Бог может всё сделать? Наверняка, ведь есть какие-то молитвы по такому случаю? Да почитай хоть что-нибудь!

— О заключённых...

— Да, да, о заключённых, только не обо всех, а об одном.

— Я не знаю. Я знаю покаянный канон... — сказал Митя. — У меня тут есть покаянный канон. Покаянный...

— Если канон поможет — давай канон.

— Это покаянный канон ко Господу нашему Иисусу Христу, — уточнил Митя.

Прошла минута, он отвернулся от всех и начал читать.

— Яко по суху пешешествовав Израиль, по бездне стопами, гонителя фараона видя потопляема...

Когда Митя крестился за чтением, то и все крестились. Малопонятный для всех старинный текст перемежался частыми «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь». Митя, видимо, думал, что настоящий чтец должен непременно читать быстро, поэтому бежал по словам, и без того непонятным, проглатывая многие из них. Когда он крестился, по комнате проходило некоторое облегчение: люди совершали общее для всех движение и чувствовали, что имеют хоть какое-то отношение к молитве. Пару раз, крестясь, Митя мельком обернулся, чтобы увидеть, как покорно люди всё повторяют за ним. Но по прошествии пяти-шести минут многие утомились. Мама, несмотря ни на какое отчаяние, пару раз зевнула. Как будто её мысли застряли теперь между домашним горем и Митиной молитвой, и, находясь между ними, она не понимала ни того, ни другого.

Митя перешёл к молебному канону к Пресвятой Богородице.

— Воду прошед яко сушу, и египетскаго зла избежав, израильтянин вопиаше: Избавителю и Богу нашему поим.

— Митя, — вдруг прервал его отец после этих слов. Голос у отца стал злобным, но он сдерживался, не хотел опрокидываться на Митю. — Спасибо, всё. Ты можешь идти домой. Всё, иди, мама тебя ждёт.

В тишине Митя стал помещать в книгу закладку. У него бешено задрожали руки.

Все видели, что отец плачет.

— Иди, Митя. Митя, уходи быстрее отсюда!

Митя послушался. Вздрогнул всем телом, проходя мимо отца, и поспешил в коридор.

— Никому не нужны твои молитвы! — не сдержался отец. — Никому они не помогут! Кроме таких, как ты!

Оставив входную дверь открытой, Митя уже спускался по лестнице. Отец стоял в коридоре и кричал в открытую дверь:

— Израиль! Израиль! Израиль! Да причём тут Израиль?! На кой он мне сдался, этот чёртов Израиль?! У нас тут!.. — он закрыл глаза ладонью. — А он: Израиль, Израиль! Слава! Слава! Слава! Да пусть Он сделает для нас сначала что-нибудь — а уж потом слава! Я сам тогда буду кричать: «Слава! Слава!» И «Израиль» даже

Ему буду кричать! Только чтоб сделал — хоть что-нибудь!!

Мама, теперь более спокойная, утирала воротником халата слёзы:

— Это, Толя, надо долго просить, надо ждать...

— Да я всю жизнь от кого-то чего-то жду! Этого всю ночь дома нет — жду: живой, не живой? Ты надуешься — жду: «Когда она там оттаёт со своими кроссвордами, когда будет со мной разговаривать?» Получку задерживают — жду! Когда чёртова неделя закончится — жду! Всё надо ждать! А почему хоть раз нельзя взять — и сразу сделать?!

После этих слов отец как будто решил позаигрывать с самим Провидением:

— Чтоб вот в этой вот открытой двери сейчас появился Илья и сказал: «Папа! Это всё ошибка, всё глупости, ничего не было, меня отпустили!» Почему так нельзя?!

Все несколько секунд сосредоточенно смотрели на входную дверь.

— А потому что он ни хрена не всемогущий! Его просто нет!

Все, в том числе и отец, постояли ещё две-три секунды, быть может надеясь на опровержение этих слов — в лице вернувшегося Ильи. Но ничего не последовало.

Отец прошёл на кухню и там осушил давно ожидавшую его кружку.

— И самое главное, — вернулся он в коридор, — что какой-нибудь мудака проживёт всю жизнь, и у него ничего такого не случится. А я — чем я хуже его? — у меня случилось! Всё! И никакой Израиль, ни Индия здесь не поможет, хоть ты весь облезь.

Почему-то всем — может, и ненадолго — как будто стало легче. Уже через полчаса они спокойно сидели на кухне. Мама разогрела еду — остатки того, что было на дне рожденья. Довольно вяло обсуждали, можно ли что-нибудь предпринять. Но больше — плакали, вспоминали о своих прежних ошибках, выпивали, ели, потом даже стали проскальзывать грустные шутки. Настя молчаливо сидела в углу кухни и глядела на родных. Её неаккуратная стрижка имела в себе нечто от монашеского пострига: она решила во всю свою жизнь больше ни на шаг не отступать от семьи. По крайней мере, так было написано в её дневнике. Ей предстояло многое рассказать родителям, но не сегодня.

Дядя Боря задумчиво выпивал и скромно радовался своей важной роли.

Вероятно, это был какой-то нездоровый, шоковый покой, похожий на оглушение после

взрыва. Это напоминало годовщину со дня чьей-то смерти. Словно отсутствие надежды заставило всех посмотреть на Илью как на что-то навсегда далёкое, живущее лишь в виде памяти.

Эпилог

ПАРУ ДНЕЙ НАЗАД отец дал Насте денег на хорошую парикмахерскую, а мама ещё и доказала ему необходимость контактных линз, и теперь Настя шла по солнечной улице с симпатичной короткой стрижкой и глазами, резко и трогательно блестящими, как, наверное, у настоящей француженки. Кажется, отец решил отныне и навсегда потакать дочери во всём — только бы она не менялась, не становилась хуже, а оставалась такой, как сейчас, и обязательно рядом.

Это был первый по-настоящему тёплый, солнечный день в этом году. В одном из дворов, которыми Настя шла к педучилищу, мальчик качался на качелях. Тоскливый, одинокий скрип этих качелей был слышен ещё издалека. Он говорил уже не о весне, а напоминал о предстоящем лете, особенно о полуденных часах, когда в городе запахнет асфальтом, а от асфальта будет подниматься дрожащее марево, как в пустыне. Улицы опустеют, и не будешь знать, как скоротать время до вечера и когда же, наконец, на этот город прольётся дождь. Но это, наверное, всё равно будет хорошее время.

Небольшое училище стояло в окружении лиственных и хвойных деревьев, от которых исходил чудесный запах. Из окон уже доносилась музыка. С улицы, смешиваясь с гулом машин, она больше была похожа на разучивание какого-то музыкального фрагмента, чем на концертное исполнение.

В училище Настю встретила приятная тень и прохлада. Настя позволила себе купить в автомате бутылку прохладной газировки. Потом поднялась на третий этаж, предъявила приглашительный билет и, дождавшись за дверью аплодисментов, зашла в небольшой зальчик. Она без труда нашла себе место — народу было немного.

Зальчик имел довольно убогий вид, разве что потолок был высокий. Хотя убогим был и потолок. Под ним серой краской по извёстке проходил рисунок, подражавший лепнине. Кое-где извёстка облупилась прямо на рисунке, и это особенно обнажало подделку. Тем не менее за окном радостно покачивались деревья — они как будто решили поскорее воспользоваться теплом, опасаясь, что оно быстро уй-

дёт, и зазеленели в какие-то полтора дня. На лица и спины людей падали пятна солнца, и пылинки в его лучах, противореча земному тяготению,плыли не вниз, а вверх. В зальчике было уютно, несмотря ни на какую лепнину и ни на что другое.

Изольда Матвеевна стояла у облупленной кафедры в элегантном платье. Вырез на груди был довольно широк и смел, но его покрывала сиреневатая полупрозрачная ткань, которую завершал на шее своего рода ошейник. Казалось, что этот ошейник немного затрудняет Изольде Матвеевне дыхание, зато и всё время дисциплинирует её, заставляя высоко держать подбородок. Заметив Настю, учительница кивнула ей — целомудренно, едва заметно. А теперь, отставив немного ногу, она рассказывала о предстоящем номере программы:

— Слово «пастораль» происходит от французского *pastorale*, что означает — пастушеский, сельский. Произведения, созданные в этом жанре, призваны показать нам красоту простой, мирной жизни. Жизнь людей в гармонии с природой, с самими собой — и друг с другом...

Люди подвинулись на стульях в ожидании музыки. Изольда Матвеевна объявила:

— Жермен Тайфер. Пастораль до-мажор. Фортепиано — Семён Пузанков, флейта — Анна Заливакина.

На невысокую сцену под осторожные аплодисменты поднялись двое детей — где-то, наверное, шестиклашки. Мальчик в белой сорочке с бабочкой сел за фортепиано, девочка поднесла флейту к губам. Дети в последний раз переглянулись, кивнули друг другу, и зазвучала музыка.

Настя тихонько оглядела зал. Из знакомых она обнаружила здесь только одного парня из её школы, он учился классом старше. Это был худой, чрезвычайно прыщавый подросток с большим кадыком. Он ходил в фотокружок, участвовал во всех творческих олимпиадах района и мало где побеждал. Сейчас он с загадочной улыбкой двигался по залитому солнцем залу и принимал самые причудливые положения — то оттягивал ногу, то присаживался и поворачивал голову едва ли не подбородком кверху, — чтобы сфотографировать детей. Он выполнял свою работу увлечённо, усердно, сосредоточенно, словно перед ним были не простые дети на потёртой сцене педучилища, а редчайшие шедевры искусства, по чудесному стечению обстоятельств привезённые на один час в его небольшой город.

Публику составляли в основном бабушки. Скорее всего, бабушки самих маленьких артистов.

Музыка рисовала какой-то отдалённый лоскут земли, который некогда существовал, но был утрачен человечеством или, наоборот, лишь когда-нибудь появится на земле. Может быть, рай, а может, простая мечта, воспоминание из детства. По крайней мере, было что-то, что говорило тебе: «Тебя любят, тебя простят, ты успокоишься».

Иногда в звуках как будто проступала тревога. Но это была не та тревога, которой наполнена человеческая жизнь. Это была тревога листвы на плодоносящих ветвях, обеспокоенных лёгким ветром; тревога ручья, который на своём ровном пути наткнулся на замшелый камень. Люди, жи-

вущие на благословенном лоскуте земли, наверное, принимают эту тревогу со светлой, задумчивой улыбкой — как отголосок собственных тревог, которые навсегда ушли в прошлое; а может, как напоминание о печали тех людей, которые ещё не достигли их благословенной земли... Но ветерок стихает, и маленькая серая птица, укрывшаяся в ветвях, празднует это событие своей благодарной трелью.

На бабушек иногда слетали хлопья штукатурки. Пригретые на солнце, они сидели и кивали, не то впадая в сон, не то во всём соглашаясь с музыкой. И музыка спокойно пришла к своему финалу.